

18+

Jurakhon Mamatov

**На факультете
ин. яз. Душанбе**

Jurakhon Mamatov

На факультете ин. яз. Душанбе

«Издательские решения»

Mamatov J.

На факультете ин. яз. Душанбе / J. Mamatov — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533039-0

Книга о горцах и горянках, о простых жителях высокогорных селений, гордо и молчаливо переносящих ежедневные суровые горные будни. «Я — привилегированный человек, что увидел эту красоту...», — так сказал один из иностранцев, восторженно разглядывая первозданную красоту памирских гор... В книгу также включены рассказы о любви, о юных чувствах, о школьных и студенческих переживаниях, прочитав которые читатель вправе заключить: «все люди Земли живут, влюбляются и переживают одинаково...»

ISBN 978-5-00-533039-0

© Mamatov J.
© Издательские решения

Содержание

Миг	7
P.S.	9
В полдень	10
На перевале Фахрабад	11
Дыня	14
Город	15
Сабрина	16
Зелёный базар	21
Душанбе	23
Мгновения апреля	24
Гроза в Душанбе	25
Эпилог	26
Душанбе, апрель	27
Летняя картина в Душанбе	30
На окраине Душанбе	32
Feelings/Чувства	35
Индира	36
На факультете «иняз»	39
Айша	41
P.S.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

На факультете ин. яз. Душанбе

Jurakhon Mamatov

© Jurakhon Mamatov, 2021

ISBN 978-5-0053-3039-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джурахон Маматов

На факультете «иняз» Душанбе

© 2018 – Джурахон Маматов

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to jjm60@yandex.ru

Об авторе.

Автор сборника «На факультете иняз Душанбе», Джурахон Маматов, родился и вырос в Таджикистане, в пограничном с Афганистаном городе Пяндж. В 1990 году поступил в душанбинский пединститут на факультет иностранных языков. Успешно завершив учёбу (с красным дипломом), работал переводчиком в различных международных организациях в годы гражданской войны в Таджикистане. Затем продолжил карьеру переводчика в одной из крупных международных организаций города Москвы.

О книге

В книге доступным языком, в художественной форме рассказывается о малоизвестном большинству людей высокогорном уголке земли под названием Памир. О горцах и горянках, о простых жителях высокогорных селений, гордо и молчаливо переносящих ежедневные суровые горные будни. В книгу также включены рассказы о любви, о юных чувствах, о школьных и студенческих переживаниях, прочитав которые читатель вправе заключить: «все люди Земли живут, влюбляются и переживают одинаково...»

На факультете «иняз» Душанбе

Маматов Джурахон

Памир – это действительно красота...

Что может сравниться с величием памирских гор, с их первозданной красотой, чистейшими родниками, вкуснейшей водой и упоительным воздухом? Я помню слова одного иностранца, который впервые увидел Памир и сказал: «Я – привилегированный человек, что побывал здесь... Не каждому удаётся увидеть эту красоту...». Я тоже, по Божьей воле, считаю себя привилегированным человеком: я часто бываю там.

И каждый раз, когда оказываюсь на Памире, я, высоко запрокинув голову, восторженно гляжу на эти величественные горы, стоящие в звонкой тишине...

И я снова встречаюсь со своими замечательными и удивительными друзьями-горцами, гордо и молчаливо переносящими ежедневные суровые горные будни. Брожу по каменистым, хранящим эхо долгой истории, таинственным ущельям... И где-нибудь на высокой горной тропе утомившаяся горянка, приложив ладони козырьком к глазам, с удивлением бросит свой пронизательный взгляд на странника, влюблённого в горы. А я, мысленно послав ей свои пожелания счастья в её нелёгкой горной жизни, продолжу свой путь дальше к сверкающим вершинам.

И вы, мои дорогие читатели, на страницах этих рассказов вместе со мной можете побывать на этом таинственном, малоизвестном большинству людей уголке земли под названием Памир.

Часть I. Душанбе (или На факультете «иняз»)

Миг

Ранним майским утром, на подоконнике лестничного пролёта между вторым и третьим этажом факультета иностранных языков сидела красивая девушка. Её звали Чаман. Она моя однокурсница, но учится в параллельной группе. Обычно она всегда опаздывала на пары, и в такую рань видеть её на факультете было немного необычно.

– Привет, чего не спится? – шутя поприветствовал я её.

– Я тебя жду.

– Чем могу служить? Опять упражнения по грамматике?

– Латофат вчера пыталась отравиться, еле откачали. Она спит в общежитии, доктор сделал ей промывание.

Я присел рядом с Чаман. Она чуть отодвинулась, подобрав под себя длинную, до пят, юбку цвета хаки. Затем, повернув ко мне своё тонко очерченное лицо, вопросительно уставила на меня свои светло-зелёные глаза. За четыре года учёбы она была единственной девушкой, с которой я мог откровенно говорить на любые темы. Её мать была русской, а отец – таджик, с Памира. Всем известен факт, что дети от смешанных браков обычно рождаются очень красивыми и, чаще всего, интеллектуально одарёнными. Чаман была одной из таких девушек.

– Чаман, если Латофат суждено быть со мной, или мне суждено быть с ней, то мы непременно встретимся... и будем вместе. Если нет... А притворяться, что я её люблю, я считаю, было бы аморально.

– А ей как-то, ты представляешь? Влюблённая девушка – всё равно что глухая, она ничего слышать не хочет, кроме своего сердца...

– Чаман, это только в индийских фильмах всё заканчивается свадьбой, а в реальной жизни очень много историй о грустной и безответной любви...

После этих слов она долго и пристально смотрела мне прямо в глаза. Так смотрят девушки, которые предельно искренни. Люблю я смотреть в такие глаза...

– Ну, вообще-то, вы, парни, слишком жестоки. Иногда можно и притвориться, ради... Ну, хотя бы ради временного счастья! Знаешь, девушки иногда на всё согласны, лишь бы быть рядом с любимым. Коротко ли, долго ли, но быть со своим единственным...

– А потом что? Горькое разочарование? Нет, я не хочу никого разочаровывать, – тихо произнёс я.

За окном прогремел утренний майский гром, и крупными каплями начал накрапывать дождь. Чаман чуть приоткрыла окно, задев мокрую ветвь чинары. Запахло прохладой, дождём и мокрым асфальтом.

По лестнице начали подниматься студенты. Коридор института потихоньку заполнился тем весёлым студенческим шумом и беспричинной радостью, которая бывает только в ранней юности.

Мы поднялись на

третий этаж, подошли к расписанию занятий в стеклянной раме и узнали номер аудитории, где у нас должна была быть лекция по теории грамматики английского языка. Предмет, который до сих пор остаётся для меня неразгаданной загадкой.

В аудитории Чаман села рядом со мной.

– Дай мне какой-нибудь свой конспект, я хоть притворюсь, что пишу что-то.

Вот такая она была, Чаман – чуть с ленцой, но училась отлично. Одно слово – талант (а может, потому, что она родилась в смешанном браке?).

В класс вошла профессор Гогошидзе и сразу после приветствия строгим голосом начала читать лекцию.

Шушукались ещё сонные студенты. По металлическому подоконнику снаружи стучал весенний дождь. Прямо за окном мокли огромные чинары. Пахло влажным душанбинским воздухом.

Чаман несколько раз, привалившись ко мне плечом, заглядывала ко мне в конспект, и, выискивая ручкой нужное ей слово, переписывала к себе в конспект. И таким образом у меня всегда оказывалось два конспекта с одной и той же лекцией. Одна лекция, написанная мной, другая – написанная Чаман, но в моей тетради. Но я к этому давно уже привык.

Юность тем и прекрасна, что ко всему быстро привыкаешь и быстро от всего отвыкаешь. Двадцатилетний опыт внушает тебе, что самое главное в жизни ещё впереди. И интересная работа, и настоящая любовь, и ещё что-то неопишное и загадочное, которое прячется за словами «счастье», «мечта», «гармония»... Всё впереди...

Но это главное прячется за кронами чинар, за вершинами гор, и изредка игриво выглядывает из-за майских облаков. И в тридцать они будут тебя игриво заманивать, зовя за собой, и в пятьдесят, и в восемьдесят... Пока однажды, убелённый сединой и умудрённый опытом, не поймёшь, что они, все твои Идеалы, всегда были рядом с тобой.

И вдруг озаришься мыслью, поняв смысл слова Вечность. И всё становится ясно, как синее душанбинское небо.

И ты уже осмысленно поёшь строки знаменитой песни: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется „жизнь“».

Мгновения из будущего текут в прошлое, проходя через тебя, и ты становишься сверкающим мостом, связывающим прошлое с будущим. Каждый миг незримо связан с другим мигом через тебя. Ты мост, через который прошли мгновения отчаянной, иногда безответной, но искренней юной любви.

И я, только что, связав воедино эти мгновения нитью памяти, оказался в своей юности, где юная Чаман, сидя рядом со мной, пишет лекцию по теории грамматики. Мы ещё совсем юны и совсем не обращаем внимания на слова песни «Есть только миг...». Счастливый миг. Где-то я читал такую мысль: «И каждый миг между прошлым и будущим ты совершаешь выбор».

Выбор быть счастливым всегда остаётся за тобой.

P.S.

Латофат в начале пятого курса вышла замуж за своего земляка, парня из Регара, и взяла академический отпуск. Что было с ней потом, мне неизвестно.

Гораздо позже, уже повзрослев, я понял, что был самолюбивым, немного жестоким и довольно чёрствым студентом, так как даже после того утреннего случая я не удосужился поговорить с Латофат. При встречах со мной она неизменно краснела, но ни разу не произнесла ни слова о своих чувствах. Всё перетерпела молча. Эх, юность, юность...

14 мая 2011

В полдень

Летний зной июля. Полдень в Душанбе – как испанская сиеста. От жары воздух кажется лимонно-оранжевым. На улицах тихо, даже чинары и тополя не шелохнутся: у них тоже сиеста. Редкие прохожие стремятся перебежать в тень и побыстрее заскочить куда-нибудь внутрь, где немного прохладнее.

Я прошёл мимо кинотеатра «Ватан» и повернул направо, в сторону памятника-танка. После долгой разлуки я снова в Душанбе. Просто гуляю по улицам и впитываю в себя тепло города. Воздух родины насквозь пропитан жарким солнцем. Горячие лучи уже более щедро заливают полдень золотом, и воздух из лимонно-оранжевого превращается в золотой. По желобкам вдоль аллеи с тихим журчанием течёт прозрачная вода.

У остановки недалеко от магазина «Голубой экран» стоят несколько женщин. Я прохожу мимо и вдруг чувствую на себе пристальный взгляд одной из них. Я оглядываюсь – её чёрные глаза удивлённо и не мигая смотрят на меня. Первая проскользнувшая мысль: «Зарина?» – но я не останавливаюсь. Следующая мысль: «Не может быть, пятнадцать лет прошло». Пройдя несколько шагов, оборачиваюсь снова. Она, прищурившись и чуть наклонив голову, приглядывается.

– Это ты?..

– Зарина?

– Да! – Она, быстро положив свою сумочку на скамейку, раскинув руки, бежит в мою сторону, но на полпути, опомнившись, смущенно останавливается...

И пятнадцати лет как не бывало. Передо мной всё та же юная студентка-однокурсница, с которой мы съели не одну тонну шоколадного мороженого в «Восточном кафе». Она всё такая же экспрессивная и эмоциональная.

Вот за что я люблю город Душанбе, так за его чинары, которые придумали себе сиесту в полдень. За то, что, просто гуляя по улицам, ты можешь встретить юные, чёрные как уголь глаза из далёкого прошлого...

9 декабря 2010

На перевале Фахрабад

Текст посвящается всем, кто когда-то жил в Таджикистане, но был вынужден покинуть его по разным обстоятельствам.

Ранним утром, в один из воскресных дней в начале апреля, я пешком поднялся на перевал Фахрабад, расположенный недалеко от Душанбе. Раньше, в советские времена, мы часто ходили туда вместе с друзьями, но теперь все они поразъехались и живут далеко за пределами Таджикистана.

Склоны гор были покрыты сплошным ковром из красных маков. Кое-где среди алых цветов виднелись темно-синие, чуть склонённые головки колокольчиков. Трава была ещё покрыта росой, и её мелкие бусинки, играя всеми цветами радуги, отражали лучи утреннего солнца.

Взглянув на левый склон, я заметил мальчишку в темном трико и красной майке. Он пас небольшое стадо коз. Увидел я его не сразу и именно из-за майки, цвет которой сливался с фоном из ярко-алых маков. Взмахнув рукой, я поприветствовал его. Он тоже ответил мне взмахом руки.

Я продолжил свой путь дальше, вдыхая утренний воздух гор.

Добравшись до вершины – а это 1245 метров над уровнем моря! – и скинув рюкзак, я присел на мягкую апрельскую травку. С вершины был виден почти весь город Душанбе. В утренней дымке серебрилась ниточка реки Кафирниган. Небо было совершенно синим, без единого облачка. Лишь весенние ласточки стремительно прочерчивали на нём свои замысловатые линии. Я внимательно прислушался к окружающей меня тишине, и вдруг мне показалось, что она беседует со мной своим тайным языком символов.

– Ты прекрасна, моя земля, – мысленно произнёс я.

– Я прекрасна всегда, ведь я – твоя Родина, – тихо прошептала она.

– Я рад, что ты у меня есть, хоть ты истерзана войной и разрухой... и слаба.

– Эх ты, глупец... Разве это может навредить мне? Я не меняюсь, я ведь природа. Я никогда не воюю и безукоризненно следую своему предназначению – расцветаю весной, нагреваюсь и золочусь летом, осенью делюсь своими дарами, а зимой засыпаю и отдыхаю. И так всегда, потому что я следую Божьим законам. А насчёт слабости, тут ты вовсе не прав. Я ведь Земля и всегда сильна, а слабы только люди, живущие на мне. И войны, и разрухи – это тоже их рук дело.

Потом наступила тишина. Я прилег на травку, подложив под голову рюкзак. Высоко в небе парили орлы, широко раскинув крылья. Это выглядело удивительно красиво. Они парили без единого взмаха. «С высоты им лучше видно, насколько прекрасна наша земля», – подумалось мне.

– Да, я действительно красива, необыкновенно красива, – смущенно прошептала земля, снова возобновляя наш диалог.

– Слушай, а я вот часто общаюсь с людьми, покинувшими тебя. Как ты относишься к ним?

– Я люблю их, как Мать любит своих детей. Ведь я вырастила их, они дышали моим воздухом, питались моими плодами, сидели под моими деревьями. Под покровом моей ночи они впервые смущенно целовались. И никто, кроме меня, этого не видел. Я храню их тайны. Они есть часть меня, мои частички, разбросанные по разным уголкам мира. И внутренне они всегда помнят, что являются детьми этой земли. Навсегда. Я их создала Детями Гор навсегда...

Затем снова наступило молчание.

Солнце поднялось высоко. Утренняя дымка полностью исчезла, и с противоположной стороны чётко прорисовывались силуэты Варзобских гор с зелёными пятнами весенней травы

на фоне красных проталин. По Фахрабадской дороге зачастили машины, ехавшие со стороны Курган-Тюбе. Я открыл рюкзак и вытащил уже остывшую лепешку, которую купил по пути, на Саховате, у молодой девушки-узбечки из колхоза «Россия». Какая же вкусная эта лепёшка, посыпанная кунжутными семенами...

Вокруг меня колыхались алые маковые ковры. Подул тёплый ветерок, нежно касаясь верхушек трав и превращая их в зелёные волны. Природа и дальше продолжала свой тайный разговор со мной, но мне было лень переводить этот язык на обычный, хотя подсознательно я чувствовал, что она пыталась донести до меня что-то очень важное...

По дороге назад, во время спуска, я снова повстречал мальчишку-пастуха. С близкого расстояния я заметил, что козы, которых он пас, были ангорские, с длинной и совершенно белой шёлковой шерстью.

– Ассалому алейкум, ака, ту варзишгар асти? – весело спросил мальчишка. Видимо, он так подумал, увидев мое спортивное снаряжение.¹

– Ман кухро дуст медорам, бародар, худат шояд мухлиси варзиш асти? – поинтересовался я, указывая на надпись «Леонель Месси» на его красной футболке.²

– Ман мухлиси тими «Барселона» астам, футболро дуст медорам, – весело ответил он.³

Нам было по пути, и мы некоторое время шли вместе вдоль дороги, разговаривая о футболе. О «Барселоне» он знал почти всё.

Крупный вожак-самец с большими закрученными рогами уверенно шествовал впереди козьего стада. Он, видимо, знал уже дорогу наизусть, и козы мелко семенили за ним.

Когда дошли до поворота в сторону его кишлака, он вежливо произнёс традиционное:

– Чой тайёрай, ака, биё хона мехмони меравем.⁴

– Рахмат, бори дигар, бародар.⁵

Мы тепло попрощались, и я отправился дальше. Движение транспорта становилось всё интенсивнее. Я шёл вдоль ивовых деревьев со склонёнными до самой земли зелёными ветвями. Казалось, что они поклоном приветствовали меня. Я пешком добрался до поста ГАИ, а там сел на попутную машину, за рулём которой был пожилой мужик в чапане и тубетейке. Оказался он из Ильичёвского района и в тот воскресный день ехал в гости к своему брату, проживавшему где-то на Водонасоске.

Я вышел на Гулистоне. На огромной цветочной клумбе напротив Цирка цвели красивейшие чайные розы. Из подземного перехода, смеясь, появились девушки. Одна – в национальной одежде, другая же была одета по-европейски. У той, что была в традиционном платье, зазвонил мобильный. Чуть замедляя ход, она ответила:

– Далер, конспекти маро имруз биёр. Фирузаро бигу туфлихои, ки вай пурсида буд, дар «Корвон» ёфта мешавад.⁶

Дойдя до остановки, они остановились и стали ожидать свой транспорт. Я поймал себя на мысли, что невольно люблюсь этими юными девушками. И всё-таки, как же красиво весной в Душанбе...

И мне вспомнился язык символов природы, услышанный сегодня на вершине Фахрабада. Солнце, горы, весна, апрель, ласточки в небе, мальчишка-пастух и эти две юные красавицы говорили мне о том, что всё будет прекрасно...

13 ноября 2010 года

¹ Здравствуй, брат, ты что, спортсмен, что ли?

² Я просто люблю горы, братишка, а вот ты, наверное, любитель спорта?

³ Я болельщик команды «Барселона», я люблю футбол.

⁴ Чай готов, брат, пойдём к нам в гости.

⁵ Спасибо, в следующий раз, братишка.

⁶ Далер, принеси мне сегодня мой конспект и скажи Фирузе, что те туфли, которые она просила, можно найти в «Корвоне».

ДЫНЯ

На земле, вернее, на сене, лежали зеленошкурые зимние дыни с грубой рифлёной поверхностью, а рядом, на картонной бумаге, – разрезанные дольки, сверкающие янтарём на декабрьском солнце. Базар был полон снующего народа. Туда-сюда, туда-сюда. Стёганные чапаны, пальто, калоши. Слышатся имена: Зарина, Парвина, Наргис. В воздухе кружится запах лимона.

Дольки дыни ближе к кожуре сверкают белизной, а выше становятся всё прозрачнее и прозрачнее, и на самой верхушке виднеются мелкие жёлтые семечки. Живой жёлтый мармелад...

Вечерний базар. Декабрь. Сумерки наступают быстро. А янтарные дольки светятся в наступающей темноте. Лучатся аппетитно, маняще... Почему они светятся? Ах да, ведь дыня всю осень впитывала в себя лучики солнца, и теперь настало время ими поделиться – согреть жилища и в сумерках 31-го декабря искриться на новогоднем столе, делая праздник ещё ярче, ещё янтарнее...

4 декабря 2010 года

Город

Он плыл по небу, как ковёр-самолёт. Плыл весело и плавно, сверкая и дыша жарой – весь такой золотой-золотой. Иногда, замедляясь, он оглядывался по сторонам: внизу проплывали моря, леса и степи, но ничто не трогало его сердце. И вот он достиг подножия высоких гор и почувствовал трепет: вершины манили его. Он сделал несколько кругов в поисках площадки для посадки, да и передохнуть не мешало бы, всё-таки провел в небе уже немало дней. Прежде чем приземлиться, он спросил у стаи орлов, парящих рядом:

– Что за прекрасная долина прямо под нами?

– Гиссарская, – дружно ответили орлы.

– Удивительной красоты долина, да и название такое милозвучное.

Он лихо дал правый крен и с шумным шелестом приземлился на приглянувшееся место.

– Здравствуй, Прекрасная Долина, – вежливо поприветствовал он.

– Добро пожаловать! – с радушием отвечала Долина. – Ты кто такой?

– Я – Город, я – Душанбе, – звонко и молодо отрекомендовался он.

– Ну, располагайся, располагайся.

И он как-то величаво и основательно начал устраиваться среди серебристых тополей, изумрудных чинар и прозрачных холодных рек. И, слегка прихлопывая себя по бокам, отчего даже тополиный пух весело завертелся вокруг, он довольно удобно расположился, растянувшись на всю долину.

«Пусть себе устраивается, раз ему здесь нравится, – размышляла Долина. – По характеру он весел и радужен, довольно чист и опрятен и, не скрою, по-восточному красив. Во всяком случае, некоторые без памяти и навсегда влюбляются в него. Есть тому доказательства...»

20 декабря 2010 года

Сабрина

Однажды я пришёл к заключению, что не надо бояться красивых девушек – они сами постоянно боятся своей красоты. Я это понял, часто общаясь с ними. Мне повезло, что вокруг меня было много красивых девушек. Иногда просто восхитительно красивых...

Многие из них часто признавались мне, что им кажется, будто именно их красота является тем самым барьером, через который не могут переступить некоторые парни.

Когда я это понял, мне стало интересно... Очень интересно общаться с девушками...

Я вообще считаю, что общение – это одна из самых прекрасных привилегий для людей (вспомнил крылатое выражение Антуана де Сент-Экзюпери). Общение – это загадка, общение – это открытие, общение – это эмоции... И эти эмоции зависят от тебя и твоего собеседника... какими им быть.

Некоторые собеседники запоминаются навсегда. Так было и со мной...

У Цирка, на остановке напротив «Гулистана», одиноко стояла девушка – не просто девушка, а девушка-красавица. Одетая она была в широкое, свободно облегающее длинное платье светло-зелёного цвета, доходящее до пят. Платье было из мягкого недорогого ситца, и оно волнующе обрисовывало её молодое девичье тело. Если бы девушки знали, что именно вот такие простые платья, легко облегающие и волнительно обрисовывающие женские линии, мощно и инстинктивно привлекают внимание мужчин к ним, они навсегда бы отказались от сто долларовых материалов и дорогих украшений.

Волосы девушки были небрежно заплетены в одну простую косу, которая свободно лежала на левом плече. Красноватый, блестящий отлив говорил, что волосы покрашены хной. Я уверен, что хна – самое лучшее средство для волос... Не зря сквозь тысячелетия она сохранилась и дошла до нас.

Девушка перебросила косу на правое плечо, которое было ближе ко мне. Инстинктивно?

Мне показалось, что если она чуть встряхнёт головой, то коса распустится. В её ушах были серебряные серёжки, по форме напоминающие виноградную гроздь. Чёрные, блестящие глаза и чёрные брови делали её похожей на цыганку. Лицо было матово-белым. Могло показаться, что отдалённо она напоминает индийскую киноактрису – Амриту Рао.

Был жаркий летний день, и она, достав из своей сумочки общую тетрадь жёлтого цвета, начала обмахиваться ею.

Я подошёл к остановке и встал у стеклянной перегородки; она находилась по ту сторону стекла, то есть внутри остановки, а я снаружи. Она мельком взглянула на меня и равнодушно отвернулась в сторону дороги. Но в этом мгновенном взгляде я сразу ощутил изучающий интерес девичьих глаз. Это такой особый взгляд – взгляд-фотография. За это мгновение она успевает молниеносно оценить внешность парня или мужчины.

В нынешнее время такие девушки на своих страничках в соцсетях в графе «семейное положение» обычно пишут «в активном поиске». Мне, студенту факультета иностранных языков, где больше половины студентов – девушки, а каждая вторая – красавица, такое поведение девушек было привычно и очень знакомо. Я знал, что эта внешняя недостижимость – всего лишь тот самый барьер, о котором я уже писал выше.

– Привет, «двойка» давно отъехала? – спросил я её, имея в виду маршрутку номер два.

Она резко обернулась в мою сторону, удивлённо посмотрела прямо мне в глаза, а потом, как всегда в таких случаях делают девушки, изучающе скользнула взглядом с головы до ног и лишь потом тихо ответила:

– Не знаю. Я тоже жду «двойку», пока не проезжала. – Отвернувшись, она еле заметно улыбнулась.

Затем, открыв свою желтую тетрадь, она усталилась на страничку, где были рисунки выкроек.

– Своё платье тоже, наверное, сама сшила, – медленно произнёс я. – Красивое платье...

Она с ещё большим удивлением посмотрела на меня...

– Слушай, отстань, а?.. – лукаво произнесла она, и по тону было ясно, что в этом «отстань» звучит затаённый интерес. Во всяком случае, я это почувствовал. Возможно, про себя она произнесла: «Что за чудак?..».

Я никогда не боялся показаться чудачком. Мне кажется, нужно бояться быть похожим на всех. Нужно быть самим собой. Такой, как ты, во всей Вселенной один.

Негромко сказав «хорошо», я отошёл в другой конец остановки, куда не падала тень и было жарко. Остановка быстро начала наполняться людьми. Тут подъехала «вторая» маршрутка, и оттуда вышел старик с мешком лука на плече. Мальчик-кондуктор начал созывать пассажиров: «Текстиль, Военторг, Дом Печати!».

В маршрутке было всего лишь одно свободное место, на переднем сиденье, прямо за водителем. Мы с девушкой вместе подошли к маршрутке, и «зазывала», увидев нас, быстро втиснул мальчика лет семи, сидящего на переднем сиденье, в конец автобуса, между двумя стариками, а нас почти силой закинул в маршрутку. Девушка расположилась у окна, а я был вынужден сесть рядом с ней.

– Извини, тут я никак не могу выполнить твою просьбу и «отстать», – улыбаясь, прошептал я. Она отвернулась к окну и незаметно улыбнулась. Мы ехали молча. На «Текстильке» мальчик посадил ещё одного пассажира – старую бабку с тяжёлой сумкой – и уступил ей своё место у двери, а сам привалился на меня. На поворотах мне приходилось с усилием сдерживать его вес, чтобы не упасть на девушку, сидящую рядом со мной. Она это заметила.

– Тяжело? Можешь подвинуться ближе, пусть мальчик тоже присядет, – негромко произнесла она.

Я пересел поближе к ней и сразу почувствовал запах ещё не созревших персиков и молодого клевера, исходящий от её чистых шелковистых волос. Очень волнующий запах.

Её простое ситцевое платье, простые серебряные серёжки и запах клевера придавали ей ту самую простоту и естественность, которую редко встретишь у нынешних девушек. И то, что она усадила мальчика-кондуктора рядом с нами, отчётливо говорило о её доброте, которую она неловко пыталась скрыть за своей неприступностью. Я сразу проникся к ней симпатией.

Красивая девушка была душанбинкой. Я точно знал, что она душанбинка. Их легко узнать по уверенной манере разговаривать, по достаточно хорошему русскому языку, по одежде, которая почти всегда выбирается тщательно по размеру. Душанбинки никогда не выбирают одежду на размер больше или меньше. Она всегда сидит на них идеально.

Я старался сидеть так, чтобы не доставлять ей неудобств, хотя это было сложно, особенно на поворотах...

Я сидел так близко к ней, что мне было чётко видна её почти прозрачная кожа на шее и щеках, мерно покачивающаяся серёжка на мочке уха...

Она, заметив мой взгляд, тихо наклонила голову и, повернувшись в мою сторону, мило и застенчиво улыбнулась...

Иногда взглядом можно выразить очень многие чувства. В её взгляде был затаённый интерес, несмелое желание продолжить наше молчаливое общение... и вообще, девичье любопытство... Не скрою, любопытство одолевало и меня.

– Тебе где выходить? – спросил я её.

– У «Дома Печати».

– Мне тоже.

Мы вместе вышли из маршрутки.

– До свидания, красавица, – улыбаясь, попрощался я, хотя попрощаться с ней совсем не хотелось...

– Извини, пожалуйста, за «отстань» на остановке, – негромко произнесла она, и перейдя дорогу, направилась в сторону Главпочтамта.

Я немного постоял в нерешительности на остановке... Затем неожиданно для себя быстро пересёк улицу, догнал девушку, выхватил у неё из рук жёлтый конспект и на последней, почему-то вырванной странице (возможно, позже, этот лист потерялся, и поэтому в итоге она не смогла позвонить...) написал своё имя и номер телефона.

Она всё это время молча наблюдала за моими действиями.

– А тебя как зовут? – спросил я, глядя в её чёрные удивленные глаза.

– Сабрина.

– Тут номер моего телефона, – я протянул ей конспект. – Захочешь – позвони... Пока.

Она медленно взяла тетрадь из моих рук и едва заметно улыбнулась, а потом сказала:

– Смешной ты...

– Можешь добавить: «и наглый», – улыбаясь, добавил я.

– Нет, наглым я тебя не назову... Станным – может быть, но, что интересно, мне очень легко с тобой общаться, – глядя мне в глаза и улыбаясь, тихо проговорила она.

Мы ещё немного весело поболтали, перейдя под тень большой чинары (сейчас там находится книжный магазин в здании «Пойтахта»), а затем расстались...

Я снова пересёк дорогу, перешёл на центральную аллею по проспекту Рудаки и под тенью высоченных чинар тихо пошёл в сторону кинотеатра «Ватан», где меня ждал мой однокурсник Хасан из колхоза «Россия» – замечательный, весёлый, бесшабашный парень, дружба с которым была самым прекрасным подарком моего студенчества.

Жду от читателей вопрос: «А что случилось с Сабриной?»

Сабрина не позвонила. Хотя, признаюсь честно, я ждал её звонка. Ждал неделю.

Ждал месяц. Перед моими глазами часто возникала её стройная фигура, облачённая в светло-зелёное платье свободного покроя. Её пахнувшая свежей травой небрежно заплетённая коса...

И лишь много лет спустя, уже после войны, на той же остановке у «Гулистана» я встретил Сабрину, уже повзрослевшую, но всё ещё красавицу. Наши взгляды встретились, мгновенно перенеся нас сквозь время в тот жаркий день, в набитую пассажирами маршрутку номер два...

Естественно, мы узнали друг друга. Она держала за руку маленькую кудрявую девочку. Рядом стоял молодой мужчина и курил сигарету. Он что-то увлечённо ей рассказывал... А она рассеянно кивала ему головой и часто украдкой поглядывала на меня...

Часто молчаливый взгляд может рассказать намного больше, чем слова...

Она сначала посмотрела на меня удивлённо, как бы замерев от неожиданной встречи после стольких лет... Затем, смутившись, опустила взгляд и отвернулась.

Через минуту снова посмотрела – уже более пристально...

А когда мужчина, стоявший рядом, отошёл в сторону, чтобы выбросить сигарету в урну, она снова взглянула на меня долгим взглядом... В этом взгляде было очень много грусти, невыразимой грусти... Возможно, она хотела сказать: «Прости, я очень хотела позвонить тебе тогда, но...» Впрочем, зачем теперь гадать, что же было причиной, почему она не позвонила? Но, увидев ту грусть и печаль в её глазах, я понял: на то была веская причина. Какая, не знаю, но она не смогла позвонить...

Во всяком случае, я понял многое, что выражали её чёрные глаза...

Всё это было так давно...

И сейчас, вспоминая свои студенческие годы, я всё чаще и чаще ловлю себя на мысли, что мы должны быть благодарны своему студенчеству, тем дням, тем переживаниям, тем чувствам, которые нам пришлось пережить. Мимолётные ли, долгие ли, но именно они, те самые

чувства, те самые лёгкие минуты влюблённости, те самые слова – «отстань...», «...но мне легко общаться с тобой...» – делали нашу жизнь яркой, запоминающейся, эмоциональной...

Я люблю мой город Душанбе, каким бы он ни был. Нет в мире другого города, где я, гуляя по улицам, снова могу вернуться к своему студенчеству и снова встретить Сабрину.

Она тоже живёт в Душанбе...

Счастливы люди, которых коснулось это чувство, которые влюблялись. Счастливы те, кто хотя бы раз испытал внезапное волнение в груди, когда день вдруг становится ярким и радостным (в любое время года). Эти чувства и переживания и остаются в памяти, как яркие, зелёные оазисы в пустыне...

Возможно, девушки, одарённые красотой, должны за этот дар нести ответственность и быть готовыми к испытаниям красотой, верить и надеяться, что появится «странный чудак», не похожий на всех, подойдёт к ней и спросит: «Привет, а „двойка“ давно отъехала?»...

Впрочем, это лишь мои догадки... Но, мне кажется, не надо бояться красивых девушек.

06 августа 2014

Молчание – золото

Где-то я читал притчу про мудреца, к которому подошёл некий пустозвон и начал ругать его грязными словами. Мудрец молчал. Он не обмолвился ни единым словом. Позже, когда ругавший его человек, устав, отошёл от него, ученик, сидевший рядом с мудрецом, спросил его:

– Ты почему не ответил ему, почему не защитил себя?

На что мудрец ответил так:

– Если бы я ответил ему хоть единым словом, это бы означало, что я принимаю его слова.

А если промолчу, то всё сказанное останется при нём.

(Это лишь общий смысл притчи. Дословно она, возможно, звучит по-другому.)

К чему я это говорю. Дело в том, что интернет-общение доказало: идиотов, дебилов, злых людей с чёрной душой полно везде – и в реальной жизни, и в интернет-пространстве.

Иногда диву даёшься, насколько скудоумны, агрессивно злы и навязчивы могут быть некоторые человеческие особи...

Как невозможно жуку объяснить таблицу умножения, точно так же некоторым людям нельзя объяснить, что все люди равны. И богатый и бедный, и белый и чёрный. Нет, скажу по-другому: легче жуку объяснить таблицу умножения, чем некоторым Homo sapiens значение слов «любить», «понимать», «уважать», «быть терпеливым»...

Понаблюдав за некоторыми интернет-ораторами, от которых так и прёт «сверхинтеллектом» (заметьте, это слово – в кавычках) и агрессией, я пришёл к выводу: нужно игнорировать их словесный мусор. Как гласит восточная мудрость: «Собака лает – а караван идёт».

Если человек с чёрной душой, то, скорее всего, его цель – вывести нормального человека из равновесия и опустить его до своего грязного уровня. Возможно, интуитивно эти особи чувствуют свою ущербность...

Мне кажется, над такими людьми нужно сжалиться. Искренне сжалиться. Они ведь обделены такими приятными чувствами, как, например, радостью за человека, за победу или удачу друга. И вообще не способны радоваться жизни...

Я полагаю, что позитивных людей всё-таки больше, во всяком случае, мне они встречаются почаще.

И если вы позитивный человек и хотите оставаться им, то меньше внимания обращайтесь на всякие комментарии и агрессивные нападки. Просто игнорируйте их, как это сделал тот Мудрец, о котором я рассказал в начале этого текста.

Пусть вся грязь, которую они пытаются вылить на вас, останется при них же. Не пачкайтесь об них. Молчание или игнорирование – самый лучший щит от их грязи, как доказал это тот самый Мудрец.

24 июня 2014

Катманду, Непал

Зелёный базар

В майский полдень мы приземлились в душанбинском аэропорту. Выйдя из самолета, мы сразу же вдохнули пахнувший сухой травой таджикский воздух, который мгновенно всколыхнул память прошлых лет.

Персонал аэропорта оказался на удивление приветливым. Мы сели в машину и поехали по тенистым улочкам Душанбе под высоченными чинарами. Я специально попросил водителя не спешить. Мы двигались по улице Титова, потому что мне нужно было через «Текстилку» попасть на улицу Негмата Карабаева.

Стояла жара, и улицы пустовали. Слева от меня в тени прогуливались молодые девушки, кажется, студентки. У тех домов, где когда-то проживали лётчики нашего аэропорта, я заметил спонтанно организованные овощные ларьки, где в основном продавали свежайшие помидоры и огурцы. По цвету было видно – только что с грядки. Открыв окно, я вдыхал запах Душанбе. Пахло акацией, нагретым асфальтом и горячими лепёшками – всем вперемешку. И мне показалось, что я из Душанбе никогда и никуда не уезжал...

Ближе к вечеру, когда тени от девятиэтажек удлиняются и достают почти до речки, я вышел на прогулку вдоль Душанбинки. С реки дул прохладный майский ветерок. Внизу, у берега, сидел загорелый мальчишка лет тринадцати и рыбачил. На нём были лишь шорты синего цвета. Поравнявшись с ним, я прислонился к бетонным перилам и стал наблюдать. Паренек сидел ко мне спиной, не догадываясь о моем присутствии. Течением быстро уносило поплавков его камышовой удочки, и он снова и снова забрасывал её в воду. Справа от него стояла прозрачная синяя пластиковая пятилитровая бутылка из-под минералки со срезанным верхом. В ней, в слегка глинистой воде, плавало несколько рыбёшек. Я не смог разглядеть издали, что это были за рыбки, кажется, плотва. Хотел уточнить у мальчишки, но потом передумал: весенние воды Душанбинки создавали сильный шумовой фон и, думаю, он бы меня всё равно не расслышал.

Мимо пробежали трое подростков в спортивной форме. Один из них был одет в костюм, напоминающий кимоно. Наверное, это были ребята из секции таэквондо.

Вечерело. Вдоль речки начали прогуливаться парочки. Я, мысленно пожелав мальчику-рыбаку удачи, направился дальше в сторону моста по дороге, которая ведёт к «Текстилке». Пахло влагой Душанбинки. Мирный, спокойный Душанбе...

На следующий день я зашел на Зелёный базар. В мясном отделе крытого павильона продавали самодельные колбасы из индюшатины, курицы, говядины и баранины. Ну о-о-оче-е-ен-н-нь вкусные, из настоящего мяса!

Я прошёлся по отделу с сухофруктами в поисках специального сорта кураги, который называется «кандак». Это абрикосы, высушенные естественным образом, без использования двуокиси серы. Сладкие, как сахар. Нашёл. За прилавком сидел пожилой, но бойкий мужчина в стёганом темно-зеленом чапане и тюбетейке.

– Ты ищешь «кандак»? Подходи ко мне! – весело позвал он.

Я понятия не имел, как он догадался, что я ищу «кандак». По акценту я подумал, что он из Ленинадской области. Точно! Оказывается, из Исфары. Я попробовал курагу и про себя сразу решил, что куплю её. Сказочно сладкий «кандак»! Но для порядка начал торговаться: на то он и базар.

– Сделаешь скидку, куплю у тебя.

– А сколько возьмешь? Чем больше купишь, тем больше скидка, – хитро начал торговец.

– А сколько стоит килограмм?

– Восемнадцать сомони.

– Давай по пятнадцать! Куплю три кило.

– Хорошо, бери по шестнадцать. Только для тебя! – лукавил продавец.

– Уговорил.

Честно говоря, такой «кандак» я бы купил в любом случае, даже если бы торговец не уступил в цене. Уж больно хороша была его курага.

Выйдя из павильона, я повернул налево и прошел мимо красиво выстроенных в ряд, откалиброванных лимонов. Пахло цитрусами. За ними на прилавке кучками громоздилась свежайшая черешня. Крупная, двух сортов: бордовая и желто-красная. Но так как я уже купил черешню на Яккачинарском базаре, я прошёл дальше, к корейским салатам. Я их очень люблю и всегда покупаю именно на Зелёном базаре. За прилавком стояли две женщины – кореянка и таджичка. И у той, и у другой торговля шла очень бойко. У кореянки (кажется, она назвалась Ларисой) я купил фунчозу, рыбу «хе» и солёные баклажаны. А у таджички приобрел «чимчу» и салат из капусты и огурцов. На вкус они были восхитительны!

Дальше продавали чакку и зелень. Женщина-продавец начала уговаривать меня снять пробу, чуть ли не под нос тыча мне ложку. Попробовал. Действительно, вкусная. Немного поколебавшись, купил и чакку. Оказалось, что не зря. Уже дома сварганил из нее окрошку... Просто чудо!

В заключение скажу, что в Душанбе можно жить, если есть нормальная работа и деньги. Но не хлебом единым жив человек. Меня больше радовало то, что я находился среди своих родственников и старых гостеприимных друзей. Ночи напролёт мы сидели за дастарханом и никак не могли наговориться, и чаще всего можно было услышать: «А помнишь?..».

23 октября 2010

Душанбе

Вечера сейчас в Душанбе очень красивые. Везде горят лампы и неоновые огни. Я заметил это, прогуливаясь по улице Негмата Карабаева от Молодёжного театра до Цирка. Вообще-то, площадку перед Цирком можно назвать Арбатом на «Гулистане». По вечерам там собирается много молодёжи и семейных пар с детьми. Кто-то катается на роликах, а кто-то просто сидит на зелёной травке. Слышна и русская речь.

Проходя мимо Цирка, я заметил резвящихся на травке детей, и от «растревоженной» майской зелени пахло, как после сенокоса. Удивительный аромат!

У остановки сидела молоденькая рыжеволосая девчужка-таджичка и торговала полосатыми семечками в бумажных кулёчках.

С противоположной стороны, со стороны «Гулистана» (там сейчас супермаркет с российскими продуктами), шёл ароматный запах кур-гриль. Слева, прямо у входа в магазин, на лотках были разложены свежеспеченные лепёшки, пахнущие кунжутом. Несмотря на поздний вечер, магазины ещё работали.

На лицах людей не было прежней угрюмости и безысходности – наоборот, они улыбались. В их глазах можно было заметить едва уловимый оптимизм и блеск. «Несмотря ни на что, мы выдюжили, пережили и не сломались. Теперь нам ничто не страшно. Мы есть, есть Душанбе, есть Таджикистан!» – это читалось в поведении современных душанбинцев.

Несмотря ни на что, на планете Земля, в её северном полушарии, в азиатской его части, среди величественных гор ютится красивая страна с добродушными людьми, которая строит своё будущее невзирая ни на что. И каждый, кто когда-то там родился, прожил, провёл незабываемые годы, может гордиться тем, что Таджикистан – его (или её) Родина.

И поверьте, простой народ, соль этой земли, всегда рад любым гостям – и бывшим землякам, и тем, кто впервые оказался в этой горной стране, от которой всегда пахнет Солнцем, чинарами, персиками, инжиром, детством, юностью... и первой любовью.

23 октября 2010

Мгновения апреля

Накрапывающим дождём прибило к асфальту апрельскую пыль. Сначала на нём появились мелкие тёмные точки, а потом поверхность его потемнела и появился запах мокрой пыли. Воды Душанбинки сразу проглотились и бурно загудели. Раздались глухие звуки открывающихся пёстрых зонтов. Над трубами ТЭЦ висели облака, а над Варзобскими горами было чистое синее-синее небо, а на нём – Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидят Фазаны. Красный, Оранжевый, Жёлтый, Зелёный, Голубой, Синий, Фиолетовый – апрельская радуга.

И в душе беспричинная радость. Весна...

Вдоль Душанбинки по дорожке пробежала юная девушка с прилипшими к лицу мокрыми рыжими волосами и сияющим взглядом. Влюблена? Проходя мимо меня, она наклонилась и стыдливо потянула вниз подол мокрого платья, облепившего юное тело. Я улыбнулся ей и, чтобы не смущать, намеренно отвернулся.

По дороге промчались мальчишки на сверкающих от дождя велосипедах, насквозь промокшие.

– Парвиз, до моста и обратно!

– Нет, давай дальше!

Воздух пахнет цветами, травой, мокрой землёй. Так бывает только в апреле.

Отчего так радостно? Ах да, я ведь в Душанбе...

17 декабря 2010 года

Гроза в Душанбе

Ранним майским утром после сильнейшей грозы по улице Ленина со стороны «Нагорного» текла самая настоящая река из глины. Мутная вода покрыла все тротуары и останавливаться не собиралась.

Троллейбус затормозил напротив чайханы «Рохат». Водитель открыл двери, но пассажиры выходить не решались: вода доходила почти до колен. Ладно бы просто вода – по течению неслись разные щепки и крупные ветви, о которые можно было сильно пораниться.

Я опаздывал на первую пару. Предстоял зачёт по фонетике английского языка. Немного поколебавшись, разулся, снял носки, закатал джинсы и вышел из задней двери троллейбуса №1. Вода была прохладная. Я медленно побрел в сторону пединститута.

На остановках, взобравшись на скамейки, люди дожидались транспорта, а может, и вообще – отлива воды. Вокруг, как это всегда бывает в моменты природных буйств, царило всеобщее оживление. Доносился громкий и беззаботный студенческий смех. Несмотря на то, что ливень уже прекратился, с молодых листьев чинар прямо за шиворот капали крупные холодные капли дождя. Воздух пропитался озоном, и дышалось особенно легко. Я оглянулся вокруг и заметил, что таких «лихих и отчаянных», как я, оказалось ещё несколько – это были студенты. Мы дружно шлёпали по воде, подбадривая себя шутками.

Дойдя до здания «Пожарки», я пересёк улицу и оказался напротив нового корпуса пединститута, между тротуаром и крыльцом которого образовался настоящий бассейн. Кроме как вплавь, добраться до крыльца было невозможно. Неподалёку, на небольшом островке сухой земли под склонёнными ветвями ивы я заметил девушку, беспомощно глядевшую по сторонам. Голова моя была забита мыслями о предстоящем зачёте, поэтому я, не поднимая глаз, прошлёпал мимо, но, пройдя несколько шагов, остановился и обернулся в её сторону. Девушка была похожа на русскую, с красивыми зелёными глазами. Они были не просто зелёные, а сверкали, как тысячи изумрудов, – такие лучистые, искрящиеся. А может, в них отражалась весна?

– Помочь перейти? – с улыбкой спросил я её.

– А вода не холодная? – смущенно спросила она.

По тону её голоса я понял, что она стесняется попросить помощи. До начала зачёта оставались считанные минуты, и мне не хотелось опаздывать.

Я уверенно подошёл к девушке, и не успела она опомниться, как я поднял её на руки и, мысленно удивившись её легкости, по щиколотки в воде вброд добрался до крыльца. От её влажных волос пахло весенним дождём. Небольшой бежевой сумочкой она пыталась прикрыть чуть оголившиеся, сверкающие белизной колени. «Очередной мой безумный поступок за сегодняшнее утро», – пронеслось у меня в голове.

– Спасибо, – тихо прошептала она смущенным голосом.

Добравшись до крыльца, я опустил её на первую ступеньку и, не оборачиваясь, быстрыми шагами пошёл в сторону третьего корпуса и лишь на первом этаже натянул на влажные ноги носки и обулся. К зачёту я успел.

Позже я частенько встречал эту зеленоглазую девчонку во дворе пединститута или в читальном зале библиотеки. Только нам понятными взглядами мы приветствовали друг друга. Между нами была неуловимая связь. Никто даже не догадывался о нашей игре. Никто, кроме майской грозы, мокрых чинар и весенних вод города. Но они тоже игриво молчали...

Вот такой вот был месяц май в Душанбе в девяносто первом году.

Эпилог

Как-то уже в жаркий июльский день она подошла ко мне во дворе института. Она была в легкой сиреновой блузочке и длинной ситцевой юбке цвета морской волны. Её слегка волнистые светлые волосы были заплетены в нетугую косу и почти распущены. На щеках играл легкий румянец. Изумрудные глаза её глядели немного смущенно.

– Привет.

– Привет.

– Хочу попрощаться с тобой, – улыбаясь, произнесла она. – Я досрочно сдала все зачёты и экзамены, уезжаю в Германию.

– По туристической путёвке, что ли?

– Нет, по программе. Мои родители родом из Германии, то есть мы – немцы. Сейчас все немцы уезжают назад на Родину.

– Да, – тихо произнёс я. Я не знал, что еще добавить. Просто смотрел в эти зелёные глаза с какими-то неуловимо волнующими лучами.

– Я буду скучать по душанбинским грозам и... – Она не договорила. Шумной гурьбой к нам подошли её подруги, и она, тихо произнеся «прощай», направилась с ними к остановке, в сторону кинотеатра «8 марта».

Иногда так бывает, что какие-то значимые события и их детали стираются из нашей памяти, а вот такой обычный день, весенняя гроза, холодные капли дождя, падающие с листьев чинар... и чьи-то зелёные лучистые глаза врезаются в память навсегда.

28 ноября 2010 года

Душанбе, апрель

Иногда в апреле в Душанбе бывают такие жаркие дни, что кажется, будто уже наступило лето. В один из таких солнечных дней я сидел под чинарами у главного корпуса пединститута. Ярко светило солнце, и за окном буйствовала весна. Сквозь молодые изумрудно-зелёные листья чинары пробивались весенние лучи, и я даже в тени чувствовал их тепло. Только что закончилась третья пара, я сидел и раздумывал, в какую же сторону мне идти – то ли к троллейбусной остановке, то ли в сторону кинотеатра «8 марта», то ли направиться к ЦУМу. Решил пройтись по последнему маршруту.

Вы когда-нибудь гуляли в яркий солнечный апрельский полдень по аллеям вдоль проспекта Ленина в Душанбе? Нет?! Тогда вам будет трудно меня понять... Это настоящая ярмарка красавиц. К этому часу заканчиваются лекции и в мединституте, и в пединституте, и вся аллея – от «Водонасоски» и до самого «Зинната» – заполняется красивейшими студентками. Тут и таджички, и узбечки, и русские, и осетинки, и армянки, и казашки, и корейки... Давайте лучше скажу так: здесь просто душанбинки. От разноцветья нарядов рябит в глазах. Можно увидеть всё – от таджикских национальных атласных платьев до утонченных европейских нарядов. И царит на улицах удивительная атмосфера веселья с беззаботным студенческим смехом.

Пройдясь до Экомпта (бывший Дом Политпросвещения), я встретил Зарину и Дильбар – моих однокурсниц. Они с небольшой группой подруг фотографировались у только что запущенных фонтанов. Это было излюбленное место всех студенток. Вокруг фонтанов распустились розы разных цветов и оттенков: бордовые, жёлтые, белые, жёлтые с красными краями лепестков...

– Джура, давай к нам, – крикнула Зарина.

– Нет, не хочу портить вашу девичью компанию, – отшутился я.

– Ну, тогда подожди, у меня к тебе дело, – попросила она.

Подул слабый ветерок со стороны фонтанов, и меня обдало прохладной водяной пылью. Я присмотрелся к струям воды и разглядел едва заметную радугу.

Девушки сделали ещё несколько снимков, после чего фотограф протянул одной из них квитанцию. Зарина подошла ко мне и начала разговор.

– Послезавтра у нас зачёт по грамматике английского языка, и Галина Сергеевна сказала, что не допустит меня к экзаменам, если я не сдам его.

Зарина была одной из самых красивых девушек на нашем курсе, но не самой успевающей студенткой. Девушка способная, но немного ленивая. Она повсюду носила за собой плеер и очень любила слушать Стинга, группу ДДТ и Далера Назарова.

– И что? Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе всю грамматику за один день? – с улыбкой поинтересовался я.

– Да нет же, только перфектные времена.

– Ну, это я тебе быстро разьясню, пока дойдём до остановки, – согласился я.

Такой девушке, как Зарина, было очень трудно отказать. Она была немного похожа на индийскую красавицу, киноактрису Айшварию Рай. Такая же чуть вздёрнутая чувственная верхняя губа; светлолицая, но с чернящими сверкающими глазами. Красивые темно-каштановые волосы заплетены во французскую косу. В тот день на ней было атласное зелёно-жёлтое платье с короткими рукавами.

– Ну, тогда давай пройдемся пешком до ЦУМа, – предложила она.

Мы влились в общий поток студентов и медленными шагами направились вдоль аллеи. Её подруга Дильбар тоже присоединилась к нам. Пока шли, я пытался объяснить особенности перфектных времён в английском языке. Зарина часто кивала головой, но никаких вопро-

сов не задавала. С противоположной стороны улицы, от магазина «Ригонда», дорогу перебежали мальчишки и стали предлагать проходящим мимо студентам фисташки, нанизанные на ниточки.

– Ака, барои духтарои хушрӯда бигир, – пристал один из них ко мне. Пришлось купить три ниточки фисташек у этого начинающего смышленного мальчика-бизнесмена. Орешки были жареные и солёные и только раздражили наш аппетит.⁷

Тут мы как раз дошли до остановки, расположенной напротив чайханы «Рохат». Возле неё продавала самбусашки женщина средних лет. Студенты знали её очень хорошо – она часто бывала у пединститута со своим деревянным лотком, полным горячих мясных пирожков. Студенты её называли Апаи-Хасият. Я купил у неё несколько самбусашек с ароматом зиры.⁸

У «Зинната» Дильбар попрощалась с нами и повернула в сторону Путовского рынка.

Вместе с гурьбой других студентов мы перешли дорогу в сторону Художественного Салона.

– Зайдём на минуточку? – попросила Зарина, улыбаясь.

– Давай, – невесело согласился я.

Почему-то всем девушкам очень нравилось там бывать. Они подолгу могли разглядывать декоративные изделия из серебра и мельхиора. В салоне можно было найти красивые серёжки и кольца, изящно выполненные кустарными мастерами. Я терпеливо стоял рядом с Зариной, пока она с интересом изучала всю эту бижутерию. К моей радости, мы вышли оттуда примерно через четверть часа (это недолго) и снова оказались на весенней улице.

Прямо на перекрёстке стоял всем известный Старик-Дервиш (как я его называл), одетый, несмотря на жару, в стёганный чапан. На голове его возвышалась белая чалма, на груди блестело множество всяких орденов рядом с разными значками и нашивками. Никто на него уже давно не обращал внимания: он давно стал достопримечательностью города. Стоит себе, как гаишник-регулировщик посреди перекрёстка, и никому не мешает.

Мы повернули в сторону ЦУМа. В подземном переходе я купил кассету-сборник с песнями групп «Кино» и «Наутилус Помпилиус» и ещё взял новые записи Стинга. Последнюю кассету я отдал Зарине. Выйдя из подземного перехода, мы двинулись дальше.

– Ну и как, дошло до тебя, что такое перфектные времена? – шутя, спросил я Зарину.

– Да, немного, – неуверенно ответила она.

– Главное, пойми, не употребляй прошедшее время вместо перфектного. Не говори: «I did», а скажи: «I have done». Хотя на русский язык и то и другое переводится одинаково: «я сделал», но тут есть нюанс. «I did» – ты сделал когда-то, а «I have done» – только что или недавно.

– You have bought the tapes right now, правильно? – с лукавой усмешкой посмотрела она на меня.⁹

– Умница, – ответил я и ущипнул её за щеку.

Так, беседуя, мы дошли до Главпочтамта. Зарина повернула в сторону кинотеатра Джамии (она жила у военторга), а я пошёл прямо – в сторону старого аэропорта.

– До завтра, – протянула она мне свою руку.

– Пока.

Зачёт по грамматике она сдала, но наши встречи продолжались. После лекций мы часто бродили вместе по Душанбе. Иногда заходили в «Восточное кафе» напротив парка Ленина и за мороженым часами могли болтать ни о чём, а иногда могли закупить кучу газет (кажется,

⁷ Брат, купи для красивых девушек.

⁸ Самбусашки – небольшие печёные пироги с мясом или тыквой.

⁹ Ты купил кассеты только что. () *англ.*

она всегда покупала «Ровесник», а я «Аргументы и факты») и сидеть в парке, пока не прочтем их от корки до корки.

– А правда, что американцы высадились на Луну? – могла она задать вопрос ни с того ни с сего.

– Не знаю, меня они с собой не взяли, поэтому точно сказать не могу, – отвечал я.

Потом она могла долго молчать и вдруг спросить:

– А Атлантида существовала?

– Да, конечно, вот я, например, Атлантид, только ты никому не говори, хорошо? – говорил я с серьёзной физиономией.

Она закрывала лицо газетой и через пять минут могла залиться громким смехом.

Бывали дни, когда после лекций мы сидели в какой-нибудь пустой аудитории и молчали, глядя за окно на чинары и тополя. Нам было комфортно даже молчать вместе. Наверное, так бывает с очень близкими людьми. Но тогда мы об этом не задумывались. Просто встречаются иногда люди, с которыми тебе всегда хорошо и комфортно. Зарина, наверное, была одной из них.

Нам казалось, что так будет всегда. Будут вечные чинары и тополя, будет вечная Апаи-Хасият со своими вкуснейшими самбусашками, будут вечные мальчишки со своими фисташками и будут вечные студентки – таджички, узбечки, русские, осетинки, армянки, казашки и корейки. Будет вечный Душанбе и незыблемый СССР. Жизнь текла размеренно и мирно. Но это был последний год существования уникальной интернациональной семьи – семьи советских людей. Даже в страшном сне никому не могло присниться, что эта страна скоро исчезнет. Это был апрель 1991 года. А в декабре того же года СССР не стало...

Это было похоже на насильное разлучение матери с детьми. Детей поселили в детдом под названием СНГ, и они ещё долго и наивно верили, что мама вот-вот вернётся. Но она не вернулась. Некоторые и до сих пор продолжают верить, что смогут увидеть её снова.

Ровно через год началась печальная война. По улицам Душанбе грохотали БТР и танки. Те самые прекрасные аллеи, по которым гуляли самые красивые девушки-душанбинки, заполнили люди в камуфляжной форме и с автоматами. В городе надолго поселился страх. Жуткий страх...

Даже те, кто яростно хаял «совковую» жизнь, увидев «прелести» гражданской войны, беспредел и беззаконие, творившиеся в стране, были вынуждены признать, что с удовольствием вернулись бы в «застойный» Советский Союз.

Студентов распустили.

– Я уезжаю на Памир, – сказала мне Зарина в той самой аудитории, где мы любили молча сидеть. – Нам нельзя оставаться здесь. Уезжаем сегодня ночью. Прощай. – Она внимательно посмотрела на меня, её глаза были полны слёз...

Она пыталась что-то сказать, но слёзы и ком в горле мешали ей вымолвить хоть слово...

– Ты... мне было...

Затем она резко повернулась и, не глядя на меня, вышла из аудитории. Вот так просто и обыденно мы расстались...

15 октября 2009 года

Летняя картина в Душанбе

Я выглянул в окно. Лоджия окнами выглядывает к речке Душанбинке. Речка из-за жары довольно полноводная. Тают ледники, и, естественно, речки наполняются.

Очень жарко. Какие-то мальчишки на противоположной стороне речки пытаются переправиться с берега на берег на надувных баллонах. Шумно, речи не разобрать. Разобрал фразу: «Сироджиддин, ман якум мегузарам!». Худенький загорелый мальчишка, по колени в воде, придерживает баллон, пока другой ложится на него животом вниз.¹⁰

– Тела кун, – слышу сквозь шум воды тоненький голосок мальчишки на баллоне. Подтолкнули, и он, отчаянно гребя руками, пытается переплыть на противоположную сторону. Тщетно. Бурные волны речки подхватили его и понесли по течению, ни на метр не приблизив его к намеченной цели. Мальчик передумал и, проплыв метров тридцать, пытается снова пристать к «своему» берегу. А мальчишки гурьбой побежали вдоль речки по течению, пытаюсь помочь своему товарищу. Один из мальчишек, рыжеволосый пацан, прыгнув в воду, подтянул баллон к берегу. Что-то оживлённо обсуждают.¹¹

В небе ни одной тучки... Жара...

... Через открытое окно подул приятный, тёплый ветерок, всколыхнув занавески и тюль. По дороге вдоль речки проехал синий «Опель», а за ним – старенькая тёмно-синяя «Нива». И снова тишина. Со стороны Варзобских гор выплывают облака, сверху белые, а снизу чуть темноватые. Плывут в сторону высоких труб ТЭЦ недалеко от «Мясокомбината».

Купающихся пацанов становится всё больше и больше. Кто-то даже рыбачит. Шум, гвалт, плеск воды.

Вдоль невысоких бетонных перил по берегу реки, несмотря на жару, медленно прогуливаются парень с девушкой, идут по течению реки в сторону моста (в направлении рынка «Султони Кабир»). Парень одет в белые джинсы и зелёную футболку. Высокий, черноволосый. Девушка тоже в свободно облегающих белых брюках и белой футболке. Длинные тёмные волосы придерживаются, как ободком, солнцезащитными очками, приподнятыми чуть выше лба.

Парень вдруг остановился, наклонился через перила и посмотрел вниз. Его подруга тоже остановилась, приставив локти к перилам, но потом резко убрала локти – видимо, бетон был слишком горячим. Затем, приставив к бетону ладони, снова наклонилась к воде.

Парень тихо что-то рассказывал... Девушка внимательно слушала. О чем? Да какое мне дело. Могу лишь догадываться, что это какой-нибудь вздор восемнадцатилетних молодых людей, только-только вступающих в жизнь. Когда всё в жизни видится в ярких тонах: солнечный день, сверкающая вода Душанбинки, синее-синее небо... и яркие, волнующие чувства... Когда всё впервые...

Я перевёл взгляд на мальчишку-рыбака. Он резко вздёргнул свою тростниковую удочку, проверил наживку на крючке и снова забросил леску. Мне даже был виден его белый пенопластовый поплавок. Его, видимо, пока волновала лишь рыбалка.

А влюблённые, немного поглядев на мальчишек, пошли дальше вдоль речки. Чуть пройдя, парень и девушка снова остановились, глядя друг другу в лицо... И погода жаркая, и чувства горячи...

Облака со стороны Варзобских гор проплыли дальше, в сторону горного перевала Фахрабад. Жизнь в Душанбе продолжается.

2 июля 2012 года

¹⁰ Сироджиддин, я переправлюсь первым!

¹¹ Подтолкну.

На окраине Душанбе

– Я знаю, где самые вкусные самбусашки, – глядя на дорогу, тихо сказал Хасан и переключил скорость с третьей на четвёртую. Мы проехали мимо «Кожзавода», в сторону «Риссовхоза». За окном мелькали тополя, чинары, а в открытое окно дул жаркий и сухой воздух лета. Пахло раскалённым асфальтом.

Тандыр с навесом был расположен прямо у небольшого арыка, в котором, журча, текла прозрачная вода, а на неглубоком дне были видны отполированные, скользкие камешки. А под тенистой чинарой были расположены небольшие деревянные топчаны, устланные зелёными бархатными курпачками и подушками.¹²

Хасан пошёл заказывать самбусашки, а я прилёг на один из свободных топчанов.

Сквозь зелёные листья чинар виднелось голубое небо без единого облака. На одну из веток чинары присела горлица и пытливо стала оглядываться вокруг своими обведёнными красными кружочками глазами. Немного повозившись, она успокоилась. Видимо, присела отдохнуть. Утомилась, наверное, летая в жарком небе...

– Вот тебе заказанные самбусашки, – смеясь, подошёл Хасан и поставил на топчан тарелку ещё дымящихся, треугольной формы, румяных самбусашек из слоёного теста. – Из смеси баранины и говядины, с добавлением курдючного жира, – гордо произнёс мой друг.

Тут же к нам подбежал черноволосый мальчишка с белым фартуком на бёдрах и белым колпачком на голове. Он принёс поднос, на котором стояли пластиковые бутылки. Одна – с уксусом, разбавленным водой с добавлением молотого красного перца, в котором плавали стручки свежего зелёного перца и стебли укропа. Жидкость из-за молотого перца выглядела красноватой.

А во второй бутылке был обычный кетчуп. И посередине подноса, между бутылками, стояла пиала с аджикой, с добавлением бордовых листьев райхона, или базилика.

Я разломал пополам одну из самбусашек, и из неё сразу потёк ароматный сок. Она ещё была очень горячей, но пахла просто волшебю! Фарш оказался из рубленого мяса, на котором сверкали янтарные кусочки курдючного жира.

– Полей уксусной водой, быстрее остынет, – посоветовал мне Хасан, глядя, как я, обжигаясь, разламываю самбусу...

Сам Хасан набрал чайную ложку аджики и вложил её внутрь самбусы, а затем полил разбавленным уксусом. Вокруг распространился тот самый запах, который бывает, наверное, только у нас, в Таджикистане. Кто жил там, поймёт, о чём я говорю...

Мы продолжали нашу трапезу, вспоминая студенческие годы. Мальчишка снова подошёл с подносом, но на этот раз он принёс белый с зелёными цветами фарфоровый чайник и две пиалки. Зелёный чай после самбусы – это просто наша с Хасаном традиция.

К нам подошла молодая девушка лет пятнадцати, с цветным платком на голове, и предложила куруты. Я купил дюжину курутов – мне они очень нравятся.¹³

Мы долго беседовали с Хасаном, сидя на топчане под тенистой чинарой. Беседа студенческих друзей может быть бесконечной. Начало вечереть, а мы всё говорили и говорили.

Сквозь листья чинары начали проступать розоватые лучи заходящего солнца, жара потихоньку спадала.

Та самая девчонка, которая предложила нам куруты, оказалось, тоже работает в этой столовой. Она, присоединив пластиковый шланг к водопроводу у кухни, стала поливать землю вокруг топчана, и сразу повеяло прохладой и тем самым запахом свежесполитой земли... И ко

¹² Курпачки – стёганные одеяла, чуть тоньше матраса.

¹³ Куруты – сушёные шарики из кислого молока (катыка).

всему этому присоединился запах скошенного сухого клевера, который шёл с поля недалеко от столовой.

Я взглянул на девушку – она была похожа на узбечку, благодаря чуть раскосым глазам, но прекрасно говорила на таджикском языке. Совсем юная девушка. Закончив поливать землю, она направила шланг на свои босоножки, смывая с них струей прилипшую мелкую солому. А потом вдруг направила струю воды на мальчика, который накладывал угли в тандыр. Мальчик от неожиданности отпрыгнул от тандыра... и засмеялся.

У этой юной красавицы был такой нежный возраст, когда она уже не девочка, но ещё и не девушка, и не женщина. Но из-за отсутствия опыта взрослого человека она продолжала вести себя, как девчонка, – ещё не наигралась.

– Замира, нарежь лук с фаршем! – послышалось из кухни, и юная девушка тут же упорхнула в сторону кухни...

А мне вспомнилось, что мой отпуск заканчивается, и через день мне нужно было улетать из Душанбе, а так не хотелось...

Я люблю встречаться со своими друзьями, и Хасан – один из них. Мне всегда приятно его весёлая, юморная беседа, его неожиданные искренние вопросы... Но больше всего меня подкупает в нём постоянная готовность помогать друзьям в любое время суток.

Есть друзья, с которыми можно часами беседовать за пиалой зелёного чая вприкуску с козинаками, миндалём, фисташками и сладким кишмишем.

А можно и просто посидеть молча, и это молчание тоже будет продолжением беседы, и так же будет приятно, как мягкий нежный кишмиш к зелёному чаю.

Хасан – из таких моих друзей...

29 ноября 2012

Зарисовка с Зелёного базара Душанбе

Лето. Душанбе. Зелёный базар. Под навесом, во фруктовом отделе, в большом жёлтом эмалированном тазу что-то чернело. Я не сразу разобрал, что это за фрукты или ягоды. Купив ароматную жёлтую дыню, я приблизился к тому самому тазу и, лишь подойдя совсем близко, я увидел очень крупный, один к одному подобранный, чёрный тутовник. Крупные ягоды тутовника издали напоминали чёрную икру. Тазик стоял под небольшим наклоном, и в нижнюю его часть стекал темно-фиолетовый сок тутовника. Продавец, молодой, рыжеволосый, опрятно одетый парень лет двадцати, добродушно предлагал всем этот вытекающий сок:

- Сначала попробуйте сок, а потом решайте, покупать тутовник или нет.
- Налей мне стаканчик, – попросила беременная женщина, стоящая справа от меня.
- Мархамат ападжон, – и продавец быстренько наполнил белый одноразовый стаканчик.

14

В этот момент я заметил слева на прилавках «лучак шафтолу» – голые персики, или нектарины, за которыми я и пришёл сегодня на базар, и я сразу позабыл о тутовнике. Таджикский нектарин – это особенный фрукт...

Краем глаза я заметил, что беременная женщина решила покупать чёрный тутовник... Видимо, сок ей очень понравился.

И лишь уже придя домой и оставив персики в чашке под проточной холодной душанбинской водой, я вспомнил те сверкающие чёрные ягоды тутовника... Замечательные ягоды!

24 января 2013

¹⁴ Пожалуйста, сестра.

Feelings/Чувства

За окном лил проливной майский дождь. Мы сидели в аудитории фонетики английского языка. От дыхания студентов окна запотели и покрылись сначала маленькими капельками, затем капельки медленно потекли вниз по стеклу. Я незаметно приоткрыл окно, послышался шум дождя и звуки крупных капель дождя, трелью бьющие о металлический подоконник. В класс ворвался запах мокрых листьев и влаги.

– Дует, прикрой немного, – тихо прошептала Чаман, не отрывая взгляда от конспекта.

Я прикрыл окно.

Чаман наклонилась к своему конспекту так, что её светлые распущенные волосы закрыли всё её лицо и, завиваясь, кольцами легли на стол. Я тихо и незаметно погладил один из блестящих локонов. Удивительно красивые волосы – волнистые, мягко сверкающие, с красноватым отливом.

Затем она резко откинула волосы назад, заглянула в мой конспект и пальцем начала водить по моим записям, выискивая то слово, которое она пропустила.

– Что это значит? – спросила она, указывая пальцем на мою запись «дфт».

– Дифтонги, – тихо ответил я.

Чаман очень медленно пишет и поэтому на всех лекциях садится рядом со мной.

Я уже привык к этому. Привык к её манере привалиться ко мне плечом и искать нужное слово в моём конспекте. Привык к её всегда пахнущим травой золотистым волосам. Привык к её загадочным зелёным глазам. Она родом с Памира, а там, в горах, девушки с зелёными глазами – не редкость.

Я подвинул свой конспект ближе к Чаман, а сам снова перевёл взгляд за окно. Дождь усилился. С молодых мокрых листьев чинар стекали капли дождя. Стволы деревьев были совершенно мокрые. Пахло свежестью и озоном.

Так же свежи и наши чувства. Волнующие прикосновения к её золотистым локонам, к её нежным пальцам, испачканным шариковой ручкой, дарят сладчайшие неизведанные чувства юности... Всё только-только познаётся... Мы всё ещё первокурсники факультета иняз...

29 января 2013

Индира

В один из дождливых дней апреля я провожал своего друга Джамшеда в Хорог. Мы три дня подряд приезжали в душанбинский аэропорт, и каждый раз нам после трёх часов ожидания говорили: «Сегодня рейса не будет. Нелётная погода».

И за эти три дня все пассажиры уже знали друг друга в лицо. Утро, обычно, бывало туманное, а к девяти часам туман рассеивался, и мы все с надеждой смотрели в сторону Фахрабадских гор – ясное ли небо сегодня или, как всегда, в дождевых тучах.

Все пассажиры сидели в зале с большими стеклянными окнами, которые быстро запотевали от дыхания людей. Но одна девушка все эти три дня всегда садилась снаружи на скамейку, прямо у окна, и читала книгу.

Я ещё в первый день заметил, что это был роман «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Я его тоже когда-то читал и хорошо помнил содержание.

Сказать, что девушка была очень красивой, будет простой банальностью. Она была необыкновенно красива. Белолицая, с большими чёрными сверкающими глазами. Каштановые волосы заплетены в толстую косу, но на лицо всё же ниспадают несколько боковых завитков, которые она машинально пыталась убирать и цеплять за уши... Но через мгновение они снова падали, что придавало ей ещё большую красоту. Увлечённая книгой, она не обращала внимания ни на кого вокруг. На вид ей было лет двадцать.

Я заметил, что Джамшед заворожённо смотрит на эту юную девушку. А когда я ловил его взгляд, он смущённо отворачивался от неё.

– Красивая, красивая, я тоже заметил её, – шутя подмигивал я ему.

– Везучий же тот парень, которого она любит, – тихо сказал Джамшед и снова с интересом взглянул на неё через окно.

– А с чего ты взял, что она уже кого-то любит?

– Не знаю, так подумал...

– Не надо ничего думать, иди и знакомься.

– Не-ет, я не смогу, я же не такой общительный, как ты. Это ты у нас с помощью своего обаяния можешь запросто знакомиться с девушками. А я... А может, ты попробуешь, а?

В этот момент я тихо встал со своего места и присел на свободное сидение у окна. Стекло уже успело высохнуть, и я чётко видел склонённую над книгой голову девушки.

Я наклонился к стеклу и тихо подул, чтобы оно снова запотело. И пальцем, в зеркальном отражении, справа налево, то есть чтобы ей с улицы было удобно читать, написал: «Джейн будет счастливой», а потом постучал по стеклу.

Девушка оторвалась от книги и с удивлением посмотрела на мою надпись. Сначала она ничего не могла понять, а потом заулыбалась. Я снова подул на стекло чуть ниже и написал: «Джейн всё ещё в пансионате?».

Она, немножко подумав, с улыбкой отрицательно покачала головой. Затем, подмигнув Джамшеду, который удивлённо смотрел на меня, я вышел на улицу.

– Саломлек, – первым поздоровался я с девушкой. Она чуть отодвинулась, освобождая место для меня, и тоже поздоровалась.

– Не рассказывай мне дальше, что будет с Джейн, а то неинтересно будет читать.

– Хорошо, не буду, мне просто очень радостно от того, что в наши дни ещё кто-то читает книги. Ты, наверное, студентка какого-нибудь филологического факультета?

– Нет, не угадал. Я вообще не студентка.

– Ну, на учительницу ты совсем не похожа – слишком юная.

– Спасибо за комплимент. – Она заложила между страниц закладку, сделанную из фольги от шоколада, и прижала книгу к коленям. Я понял, что общение со мной ей не так уж и неприятно.

С близкого расстояния её глаза были просто жгучей красоты, невероятно лучистые. Ни грамма косметики, всё естественно. И брови красивой формы, и ресницы от природы чёрные и длинные, и губы ещё по-детски нежно пухлые. Да и сама она была немного полненькой – но это была та полнота, которая добавляет девушкам только шарма, чуть выразительнее вырисовывая юную девичью стать. Тут скорее подойдёт выражение «не худая», чем «полненькая». Мысленно я согласился со словами Джамшеда: кому-то действительно повезёт... если уже не повезло.

Вспомнив о своём друге, я посмотрел в его сторону и знаками показал, чтобы он вышел из зала. Он отрицательно покачал головой...

Мы с девушкой разговорились. И разговаривали так, как будто выросли вместе на одной улице, учились в одной школе. Она сказала, что её мама работала в библиотеке, поэтому она с детства любит читать. Рассказала, как она была под впечатлением от «Всадника без головы» Майна Рида, как плакала над не вернувшимся с Марса (или Венеры?) космонавтом из «Страны багровых туч» братьев Стругацких... Я называл имена героев из прочитанных ею книг: Зебулон Стумп, Касий Кольхаун, Генри и Луиза Пойндекстеры и так далее...

– Ты аз ка фами? – с неподдельным удивлением, на мгновение застыв, спросила она.¹⁵

– Из фильмов, – слукавил я (не хотелось хвастаться, что я их тоже читал). – А какие песни ты любишь? – спросил я её после небольшого молчания.

– Разные. Сейчас слушаю Демиса Руссоса, «Сувениры», «Good bye my love, good bye» и всё остальное.

– Good bye my love, good bye, – спел я строчку из знаменитой песни Демиса на высоких нотах.

– Goodbye and au revoir, as long as you'll remember me, I'll never be too far, – подхватила она и засмеялась. Голос у неё был очень красивый. И спела она без фальши, точно попадая в ноты. Мне становилось всё интереснее и интереснее с ней...

Но в это время объявили, что начинается посадка на рейс Душанбе – Хорог. Джамшед ждал меня у входа. Напротив нас была зелёная изгородь из невысоких кустов легустры, а прямо под ними в изумрудно-зелёной траве цвели большие апрельские одуванчики. Я сделал несколько шагов в сторону цветов и сорвал три одуванчика, затем снова подошёл к девушке, взял у неё книгу, вытащил из неё закладку из шоколадной фольги и положил на её место одуванчики.

– На память. Сделаешь из них закладку. – Она смущённо склонила голову, и те самые непослушные черные пряди волос снова выпали и прикрыли её чуть покрасневшие щёки. – И счастливого полёта.

– А ты разве не летишь? – удивлённо и немного разочарованно спросила она меня.

– Нет, я провожаю друга. – И я позвал Джамшеда. Он, смущаясь, подошёл к нам, поздоровался. Затем мы все вместе пошли на посадку. Люди, боясь, что рейс снова могут отменить, чуть ли не бегом понеслись в сторону стойки для регистрации. Посадка закончилась быстро.

Девушка, завершив регистрацию, прошла мимо нас и, слегка махнув мне рукой, чуть задержалась возле меня и тихо произнесла: «До свидания».

– Как тебя зовут? – успел спросить я.

– Индира. Индира Мак... – В это время с грохотом включился громкоговоритель с объявлением, и я не разобрал её фамилию (а может, и не фамилию, а что-то другое). Она ещё раз взмахнула рукой и пошла в сторону автобуса для посадки.

¹⁵ Откуда ты знаешь?

– Как это у тебя получается? – со смехом спросил у меня Джамшед.

– Теперь и у тебя будет возможность познакомиться с ней – в самолёте. Желаю удачи.

Мы попрощались, и Джамшед после троекратных таджикских объятий тоже побежал в сторону автобуса.

Зная по опыту, что у нас в Душанбе даже после посадки могут отменить рейс, я стал ждать взлёта самолёта. Скажу вам по секрету, в тот момент я поймал себя на малодушной мысли: мне почему-то захотелось, чтобы рейс снова отменили...

Я подошёл к той самой скамейке, где несколько минут тому назад мы беспечно беседовали с Индирой. На скамейке лежала закладка из фольги от шоколада. Я поднял её и машинально начал вертеть в руке.

Туман полностью рассеялся, начинался яркий весенний день. Пахло дождём и травой.

Перейдя на солнечную сторону дороги и обходя дождевые лужи, я медленно побрёл в сторону остановки и размышлял, идти ли мне сегодня на занятия в институт или отправиться домой. Взглянув на часы, я сообразил, что ещё успеваю на третью пару. Третья пара у нас была по теории грамматики английского языка.

Хоть и было солнечно, но из-за ночного дождя погода была немного прохладной, и я, застегнув замок куртки, засунул руки в карманы и, к своему удивлению, обнаружил в правом кармане куртки ту самую фольгу от шоколада. Она снова напомнила мне Индиру. Красавицу Индиру.

Всё же получается у некоторых девушек оставлять след в душе...

03 декабря 2013

На факультете «иняз»

Жарким июньским днём, после третьей пары, мы с другом Джамшедом сидели в пустой аудитории факультета «иняз». От разогретых на солнце столов шёл запах краски. На стекле окна какая-то девушка оставила след поцелуя – был виден чёткий розовый контур её губ. Очень красивых губ. За окном зеленели ветви чинар.

– Джура, как ты думаешь, чей это поцелуй? – сонным голосом спросил меня Джамшед, скорее всего, просто так, от нечего делать.

– Слушай, у нас на факультете учится пятьсот двадцать девушек, и чтобы угадать, какая из них оставила этот след, нужно пригласить группу криминалистов и произвести расследование, и нужно, чтобы каждая девушка поцеловала чистый лист бумаги! А потом нужно тщательно сравнивать поцелуй на бумаге с поцелуем на стекле... И тебе это надо? – серьёзным тоном ответил я. Хотя он знал, что мы, ну, просто дурачимся. Он, не глядя на меня, улыбнулся. Наверное, представил себе, как бы всё это происходило... Девушки выстраиваются в очередь перед кабинетом декана, чтобы поцеловать лист бумаги формата А4.

Я откинулся на спинку стула и по оставленному поцелую стал изучать линию губ той таинственной, незнакомой студентки... Рисунок был очень красивый, чувственный. Я представил себе губы той девушки, как бы они выглядели в реальности. Скорее всего, чуть вздёрнутая верхняя губа, напоминающая крылья чайки. А нижняя губа немного, еле заметно выпирает вперёд...

– Знаешь, Джамшед, некрасивых девушек нет, и в любую девушку можно влюбиться, безумно влюбиться. Что-то у неё обязательно должно быть, что привлечёт внимание парня. Завиток у шеи, улыбка, блеск волос, ясные глаза, манера смотреть на тебя, стеснительность, голос, манера произношения слов, чувственные красивые губы – да мало ли ещё что! Они ведь женщины, и Бог их создал такими, что у них обязательно должна быть «зацепка», чтобы завоевать внимание мужчины. Обязательно. Но что это за «зацепка», об этом они даже сами не догадываются.

– Откуда ты всё это знаешь? – повернувшись ко мне, на полном серьёзе спросил меня Джамшед.

– Я это чувствую.

– А почему я не чувствую?

– Потому, что нужно учиться всему. И психологии, и биологии, и анатомии, и астрономии – всему, всему, всему... А не только выучить «My name is Jamshed» и хвататься, что ты уже переводчик.

Он засмеялся. Затем наступило молчание – то приятное молчание, которое бывает между близкими друзьями. Сидишь молча, и каждый думает о своём. Молчание без обязательств.

Я снова взглянул на отпечаток поцелуя на окне. С того угла, с которого я смотрел на поцелуй, он оказался между зелёными ветвями чинар, на фоне синего неба. И казалось, будто кто-то поцеловал само небо.

Ещё немного посидев в классе, мы с Джамшедом вышли в коридор. По коридору гуляли наши студентки и был слышен беззаботный смех юных девушек. Возможно, кто-то из них и оставил тот поцелуй на стекле, и, наверное, она совершенно не догадывалась, что была причиной столь внимательного изучения следов её губ.

Мимо нас проплывали юные лица юных студенток, и даже при беглом взгляде можно было заметить, что у каждой из них была та самая «зацепка», за которую можно было в них влюбиться.

Вот таким был один наш студенческий день на факультете «иняз» в городе Душанбе в далёких девяностых годах.

Возможно, потом этот поцелуй кто-то и стёр со стекла в том жарком классе, но только не из нашей памяти.

И возможно, тот самый чувственно красивый рисунок губ и был той самой «зацепкой» той незнакомой девушки...

26 декабря 2013

Айша

Мы знали, что сегодня у нас последний день в институте... Как же быстро и незаметно прошли эти пять лет!

Вся наша группа сидела в аудитории 126 в ожидании лекции по теории перевода, которую должна была вести Галина Сергеевна. Аудитория находилась в конце коридора, и из-за густой тени чинар в ней всегда было довольно прохладно, хотя на улице было очень жарко – всё-таки июнь месяц.

Мы сидели грустные. Не было обычного студенческого веселья. Даже самые хулиганистые студенты притихли. Возможно, подсознательно все понимали, что мы больше никогда не будем вот так вот, как студенты, сидеть вместе... Всё. Сегодня заканчивается наша беззаботная, весёлая, бесшабашная студенческая жизнь. Рядом со мной, справа, у окна сидела Айша, моя однокурсница. Айша открыла окно, затем, положив голову на конспект, грустно взглянула на меня своими красивыми зелёными глазами. Её рыжие с красноватым отливом, немного кудрявые и очень густые волосы свисали со стола...

В окно подул лёгкий ветерок, и в класс залетели несколько пушинок тополиного пуха, которые, слегка кружась, медленно сели на стол и на волосы Айши. Я слегка наклонился и тихо подул на пушинки, чтобы сдуть их с волос. Пушинки не слетели. Тогда я попытался смахнуть их рукой и протянул руку к волосам Айши... Она медленным движением схватила мою ладонь и осторожно, поверх волос, прижала к своей щеке... И я почувствовал приятную прохладу её мягких шёлковистых волос... Затем я, чуть шевельнув рукой, углубился в густоту её волос, так что пряди волос оказались между моими пальцами...

– Как мы хотели побыстрее закончить институт, а сейчас, наоборот, хочется просто уйти на каникулы, а на следующий год снова всем вместе встретиться, – грустно произнесла Айша.

Сидящая в переднем ряду Парвина медленно оглянулась на неё и чуть ли не со слезами тихо вымолвила:

– Айша, ты как будто мои мысли читаешь... я тоже об этом сейчас подумала...

– Такого больше не будет, – тихо добавил я. Мне тоже было очень грустно.

Я вдруг вспомнил, что самую первую лекцию на первом курсе мы тоже начинали именно в этой аудитории, аудитории 126. Это была лекция по фонетике английского языка... Символично.

– Ребята, а ведь наша первая лекция тоже была в этой самой аудитории! – громко произнёс я.

– Да, точно! Блин, вот совпадение, – удивлённо обернулся Хасан, мой друг из колхоза «Россия».

Я взглянул на Айшу. Из её глаз текли слёзы.

– Джура, вместо того, чтобы подбодрить, поддержать, ты говоришь: «такого больше не будет», сыплешь ещё больше соли на рану... Ты ведь, всё-таки, наш староста...

...Про Айшу. У нас с ней на третьем курсе были хорошие дружеские отношения, которые затем постепенно перешли за границы дружбы... Это произошло на одной из наших студенческих вечеринок. Мы праздновали Новый Год в «Гипрозем», в доме нашей однокурсницы Наргизы.

Как полагается, мы шумной группой наряжали большую ёлку. Девушки на кухне готовили новогодние салаты, торты. Было весело. До окончания института, как нам казалось, было ещё очень и очень далеко...

В углу на диване сидел Фарход и под гитару пел песню Муборакшо «Аз дили ман рафтаи берун ба Худо, туро намепарастам». Затем, отложив гитару в сторону, он начал резаться в карты с Хасаном. Соседка Наргизы Лариса, тоже с «иняза», но из русской группы, вырезала

из белой бумаги красивые снежинки и лепила их куда только могла: и на стены, и на телевизор, и на ковры на стене.

Честно говоря, работали только девушки, а нас, пацанов, они только посылали в магазин. То сыра не хватило, то чакку нужно было купить, то майонез закончился... И так до полуночи, пока не наступил Новый Год. Естественно, у нас были и новогодние салюты, и фейерверки, и полагающиеся к празднику хлопушки... и, конечно, шампанское. Шумно встретив Новый Год, мы сели за большой стол, составленный из двух небольших столов, один из которых был на десять сантиметров ниже другого. Но мы на это не обращали внимания.

Затем наши девушки-затейницы, Сайёра и Ширин, начали придумывать всякие игры. И самой интересной игрой была «Выполни». Ширин записывала на кусочках бумаги разные «приказы», которые нужно было выполнить: «спеть песню», «станцевать», «прочитать стих», «поцеловать Ларису» или «поцеловать Хасана», «залезть под стол и молчать пять минут и не засмеяться» (а за это время кто-нибудь расскажет очень смешной анекдот – обычно смешные анекдоты рассказывал Хасан).

Разгорячённые шампанским, мы веселились долго. А потом, как это обычно и бывает, кто-то прилёт немного вздремнуть на диван, кто-то – на кресло.

Я вышел на балкон. С высоты третьего этажа был хорошо виден ночной Душанбе. Воздух был морозный, и на необогреваемом балконе было очень холодно. В углу балкона, в большой деревянной кадке, рос огромный куст лимона (хобби папы Наргизы), от которого чувствовался запах цитруса. Через минуту на балкон вышла и Айша с моей тёплой курткой в руках.

– Холодно, оденься. Староста не должен простудиться. Кто тогда нам стипендию будет раздавать! – С весёлой улыбкой она набросила мне на плечи куртку. Меня всегда удивлял и умилял вот этот то ли сестринский, то ли материнский инстинкт наших однокурсниц. Не все, конечно, но большинство девушек были такими.

Сама Айша была одета легко. Сиреневая блузка, длинная, темно-малинового цвета, шерстяная юбка. На плечи была наброшена коричневая кожаная куртка с капюшоном.

– Сама смотри не простынь.

– Не должна, куртка вроде с тёплой подкладкой.

– Иди отдохни, а то целый день на кухне простояла, – посоветовал я ей.

– Что это ты меня прогоняешь? – с загадочной улыбкой прищурила свои зелёные глаза Айша. Наверное, это было действием шампанского.

Её глаза, на самом деле, были очень красивыми. Большие, немного таинственные, зелёные... Мне нравилось смотреть в её глаза. Она это знала и никогда не отводила взгляд.

А в эту новогоднюю ночь, на балконе, она была просто загадочной феей. Её длинные, золотистого цвета волосы сверкали в полутьме балкона. Я, глядя в её зелёные глаза, с некоторой долей шутки, но тихо и искренне произнёс:

– Я ждал бумажку с надписью «поцелуй Айшу», но, к сожалению, она досталась Ларисе.

Айша посмотрела на меня, как бы убеждаясь, шучу я или действительно хотел вытащить задание «поцелуй Айшу». Потом перевела взгляд на ночной Душанбе.

– Люблю новогодний праздник, есть в нём что-то особенное, волшебное. А ты? – повернулась она ко мне.

– Я тоже люблю. Это, наверное, у нас осталось из детства. Когда родители заранее начинали готовиться к празднику. Прятали подарки под ёлку. Ждали какого-то волшебства...

Вдруг Айша медленно повернулась ко мне и слегка насмешливо спросила:

– Ты на самом деле хотел вытащить записку «поцелуй Айшу»?

– Да, на самом деле, – уже серьёзным голосом ответил я...

Она молча стояла передо мной. Подсознательно я понимал, что в эти минуты наши дружеские отношения переходят дозволенные границы... но так велик был молодой соблазн...

и так трудно было устоять перед её зелёными глазами и чувственными полуоткрытыми губами...

Я неожиданно для себя откинул её кудрявые волосы с плеч и тихонько прижал её к себе. Она не сопротивлялась... Это было негласное, обоюдное согласие... А возможно, заранее подготовленный тот самый «волшебный новогодний подарок», которого мы ждём с самого детства.

Я сразу почувствовал тепло её девичьего тела, от которого можно было опьянеть и без вина. Чувствовал, как учащённо бьётся её сердце... Она, слегка привстав на цыпочки, одной рукой обняла меня за шею... другой – провела по моим волосам...

На мгновение наши чувства пересилили доводы рассудка, который, конечно же, был под воздействием паров шампанского. Всё закружилось в ночном морозном душанбинском воздухе... В нём перемешались запахи лимонных листьев, шампуня, пахнущего цветами лилии... и вкус нежной губной помады... Юность просто ликовала!..

Мы опомнились, лишь когда тихо открылась дверь балкона и появилась Лариса с сигаретой и зажигалкой в руках. Увидев нас в полутьме балкона, она с еле сдерживаемым смехом произнесла:

– Ой, простите, я не знала, что вы тут, – и, быстро закрыв дверь балкона, снова вернулась в комнату. В комнате раздался уже громкий смех Ларисы.

Айша, смущенно поправив волосы, тоже вышла за Ларисой. И я услышал её приглушенно-недовольный голос:

– Стучаться нужно, дура...

– Что... что? На балкон – стучаться? – ещё громче засмеялась Лариса.

Я стоял в морозном воздухе балкона, оценивая, что же произошло мгновением назад... Мысли путались: дружбе конец... теперь влюблённость... другие отношения... Я не знал, то ли радоваться этому, то ли грустить. Но юношеский оптимизм подсказывал: радуйся, ты влюблён! Влюблён в самую красивую, в самую нежную девушку...

Через минуту я тоже вошёл в комнату. Айша была на кухне. Лариса сидела на диване, всё ещё держа в руках незажжённую сигарету и зажигалку. Я присел на кресло рядом с диваном. Лариса, сдерживая смех, привстала, подошла к столу, достала бумажную салфетку и протянула её мне.

– Ромео, следы помады вытри с лица... пока никто не заметил. – С этими словами она, улыбаясь, вышла на балкон покурить. Она была единственной девушкой в нашей компании, которая курила. К тому же, она была старше других студенток, так как в институт она поступила после педагогического училища.

Я вытер лицо и спрятал в карман салфетку, ставшую темно-розовой. Подошёл к столу, взял тарелку с нарезанным кружочками киви и снова присел на кресло. Люблю киви. Есть что-то освежающее во вкусе этих тропических ягод.

Была уже поздняя ночь. Хасан с Фарходом улеглись в соседней комнате прямо на полу. Кто-то из девушек заботливо накрыл их коричневым клетчатым пледом.

Диваны, конечно же, были предоставлены девушкам. Наргиза, как хозяйка квартиры, заботливо обходила все комнаты, выключала свет...

Воцарилась та самая тишина и фиолетовая полутьма, которая всегда наступала после наших частых студенческих вечеринок... За три года студенчества мы уже знали все привычки друг друга. Знали, кто «вырубится» первым, кто будет убирать со стола, кто будет мыть посуду, кто досидит до утра... Мы стали очень близки друг другу. Это и есть студенчество...

Айша долго возилась на кухне...

Я подошёл к ней. Вся посуда уже давно была помыта... Она машинально сушила уже давно сухие тарелки салфеткой. Она просто не осмеливалась выйти из кухни и снова оказаться рядом со мной. Увидев меня, она смущённо опустила глаза, её щёки горели алым огнём...

Я отобрал у неё салфетку и тарелку, положил их на стол. Взял её за руку и, сказав «пошли», вывел её в комнату. Она послушно последовала за мной. В полутёмной комнате я посадил её на диван, сам сел на соседнее кресло. Положив свою ладонь на её ладонь, я тихо, но уверенно произнёс:

– Я ни грамма не сожалею о случившемся и прощения просить не буду, потому что я ведь этого хотел! Я ведь хотел вытянуть бумажку с записью «поцелуй Айшу». Жду твоего ответа...

– Всё как-то неожиданно случилось, – тихим голосом ответила она. А потом, взглянув на меня своими зелёными глазами уже без смущения, улыбнулась.

Вот так и начались наши отношения...

А потом случилась война... гражданская война...

Она уехала из Душанбе. Перевела документы к себе на родину, в Хорогский университет. Снова появилась в Душанбе лишь к началу пятого курса, спустя почти два года.

Мы снова сидели вместе, снова были друзьями, но прежних отношений уже не было.

Разговоров о прежних чувствах она избегала. Думаю, на это у неё были веские причины, о которых она, возможно, не хотела говорить. За два года в жизни могло много что произойти...

– Давай останемся друзьями, – предложила она однажды, сидя рядом со мной на лекции по теории грамматики английского языка в один из зимних дней. Я не стал настаивать, хотя... да что говорить... Эта война многое что изменила...

...И вот теперь мы сидим в аудитории 126, и это наш последний студенческий день. Мы больше не будем прежними студентами. У нас теперь не будет наших весёлых студенческих вечеринок... Хасан не будет в нашей студенческой компании рассказывать анекдоты. А Фарход больше не споёт песню «Аз дили ман рафтаи берун ба Худо, туро намепарстам». Мы больше не соберёмся у Наргизы в «Гипрозе» на новогоднюю вечеринку... не будет прохладного зимнего балкона с запахом лимона... *никогда*

Всё это, может быть, и будет, и вечеринки, возможно, будут, и Фарход ещё споёт, но это уже будет другая жизнь. Это будет не студенчество. Студенчество сегодня кончилось. Началось и кончилось в аудитории 126 факультета «иняз»

P.S.

Айша тихо потянула мой конспект к себе и, написав что-то на его последней странице, снова вернула мне.

Я открыл эту последнюю страницу и прочитал: «Самым счастливым Новым Годом в моей жизни был Новый Год на третьем курсе...». Я, глядя в заплаканные зелёные глаза Айши, закрыл последнюю страницу конспекта. Наше студенчество закончилось...

19 июня 2016

Анкара, Турция

Остановка «Осень»

(продолжение рассказа «Айша»)

Октябрь – прекрасный месяц в Душанбе. Комфортный во всех смыслах. Не жарко и не холодно... но только телу. А душе? Душе немного грустно... лишь немного. И то лишь если внимательно прислушаться к тихому шелесту осенних листьев. Может быть, она грустит от весенних или летних несбывшихся грёз и надежд? Или, вообще, несбывшихся надежд?..

Весна и лето напоминают мне карнавальную поездку, где пассажиры беспечно веселятся среди ярких огней манящих и греющих надежд... Но к концу августа поезд замедляет ход, и вы выходите на следующей остановке. Остановка «Осень»... Она предлагает тебе горячий кофе или горячий чай и тихое течение мыслей. Вернее, воспоминаний...

В один из этих осенних дней, после полудня, я сидел на скамейке под только-только начавшей желтеть чинарой со сборником «Тёмные аллеи» Ивана Бунина и читал его удивительные по красоте и слогу рассказы. Осень, вообще, располагает к чтению.

Время от времени я отрывался от страниц книги. Через едва пожелтевшие листья чинары за зданием «Молодёжного театра» виднелся белесый диск солнца, клонящийся к закату. Было тепло.

В наушниках тихо звучала проникновенная песня Джеймса Бланта «You are beautiful» («Ты красива»). Вдруг звук песни приглушился, и я услышал сигнал, который бывает, когда получаешь сообщение в мессенджере. Я, не закрывая книгу, взглянул на экран телефона. Отправитель мне был не знаком. Точнее, не знакома. Souraya O'Konnog. Текст сообщения был на русском языке:

«Здравствуйте, Джурахон! Это Вы автор рассказа „Айша“?»

Я вложил закладку между страниц, закрыл книгу и написал ответ:

«Да, если Вы имеете в виду рассказ о студенчестве.»

«Как можно с Вами встретиться?» – был её следующий вопрос. Вообще-то, я к таким вопросам уже можно сказать, привык. С авторами такое иногда случается. И я спросил её:

«Вы в Душанбе?»

Последовал быстрый ответ:

«Да.»

«В конце следующей недели. Вас устроит?»

«А нельзя ли пораньше, пожалуйста? Для меня это очень важно. Послезавтра я улетаю из Душанбе.»

Переписка начала меня интриговать. Я догадывался, что автор сообщений, скорее всего, тинейджер, то есть в возрасте до двадцати лет. Обычно так искренно и настойчиво пишут очень молодые, совсем юные девушки. Я ответил:

«Хорошо. Тогда остаётся только завтра?..»

«Да. Где мы можем встретиться?»

«Где Вы живёте в Душанбе?»

«У „Профсоюза“, как мама до сих пор называет. Сейчас уже „Филармония“.»

«Тогда сможете подойти к Цирку?»»

«Да, мне это вполне удобно. Можно даже пешком.» После этого предложения стоял смайлик; -).

Мы договорились о времени встречи.

Я положил телефон на скамейку. Снова взялся за книгу, но уже не мог сконцентрироваться на рассказе. Поднял телефон со скамейки и открыл страницу отправителя сообщений. Адрес: Канада, Торонто. Ну, сейчас на страницах в соцсетях в качестве места проживания можно указать любую понравившуюся страну. Взглянул на дату рождения: 1997 год. Значит, мои догадки были верными (если, конечно, это её настоящая дата рождения): ей около девятнадцати лет.

«Ну, – подумал я, – в таком возрасте тема моего рассказа „Айша“ всегда будет интересной и привлекательной. Рассказ ведь о любви. Ничего странного. Девушка будет задавать мне вопросы по рассказу. Захочет узнать, наверное, побольше деталей... Обязательно заинтересуется дальнейшей судьбой героини рассказа, Айши. Это естественно... Это нормально».

Я провёл пальцем по экрану телефона в поисках другой песни и, колеблясь между песнями «Set fire to the rain» Adele и «My heart will go on» Celine Dion, выбрал песню Селин Дион. Хотелось чего-нибудь мелодичного. Прослушав песню, я отключил музыкальное приложение в телефоне и стал наблюдать за красотой послеполуденного Душанбе.

По аллее прогуливались семейные пары, молодые парни и девушки. Мимо меня прошла уже тепло одетая бабушка с тележкой, где в изношенной замшевой сумке лежали газеты... наверное, продавщица газет. Прошла красивая беременная девушка с собранными в кольцо на затылке волосами. Видно было, что на последних месяцах беременности... Она шла медленно, правая ладонь её была приложена к пояснице. Меня всегда умиляет красота беременных женщин, лица которых всегда выглядят немного одухотворёнными и светятся ровным бледноватым цветом.

Прошли двое парней в сине-красных спортивных костюмах, один из них громко рассказывал что-то про футбол в Лиге Чемпионов:

– «Барселона» кати «Манчестер Сити» бози дора...¹⁶

– Сад фоиз «Барселона» мебара!¹⁷

На скамейку тихо упал уже пожелтевший лист чинары, который по форме был очень похож на лист клёна. Клён – символ Канады... Это снова вернуло меня к сообщениям от девушки... «Интересное сообщение», – опять подумал я. «Это для меня очень важно», – вспомнил я её сообщение.

На следующий день в полседьмого вечера я стоял на остановке у Цирка, на улице Негмата Карабаева. День разительно отличался от предыдущего дня. Вечерний город был в пыльной мгле, и моросил редкий и странный дождь, который оставлял на моей куртке влажные следы. Эти следы быстро высыхали, а потом на их месте оставались сухие пыльные точки. Впервые сталкиваюсь с таким явлением в Душанбе... Но пахло приятно. Тем самым осенним воздухом, когда атмосфера пропитывается запахами прелой листвы, пыльной влаги и первых, освежающих осенних дождей. Осенний Душанбе... Как давно я не был в Душанбе именно осенью!

У остановки, укрывшись целлофаном, сидели две женщины и торговали варёными кукурузными початками. Шла бойкая торговля. Я стоял у остановки и тихо наблюдал за красивым душанбинским вечером. Посреди дороги на огромном рекламном щите красовался Майк Тайсон в белом костюме...

Девушка появилась неожиданно, из подземного перехода. Невысокого роста, с длинными распущенными немного завивающими рыжими волосами. Джинсы с прорезями на коленях

¹⁶ «Барселона» играет с «Манчестер Сити»...

¹⁷ Сто процентов «Барселона» выиграет.

и бёдрах плотно обтягивали её очень стройные ноги. Сквозь эти прорези отчётливо виднелась лунная белизна её красивых бёдер. Современная модная тенденция... На левом плече на тонком ремешке висела небольшая, прямоугольной формы сумочка темно-фиолетового цвета.

Одета она была в белый батник, поверх которого была накинута темно-синяя ветровка с двумя белыми полосками вдоль рукавов. Всё выглядело очень гармонично.

– Здравствуйте, Джурахон! Можно вас так называть? – девушка смущённо протянула мне руку. – Меня зовут Сурайа.

С близкого расстояния я заметил, что её большие глаза были тёмно-синего цвета. Немного овальное красивое лицо, ровная белая кожа, на которой явно виднелся алый румянец... Наверное от смущения, – решил я.

– Называйте как хотите, мне без разницы.

– Простите, что навязала вам эту встречу, но это на самом деле было мне нужно... Давайте присядем где-нибудь. – И она взглянула на скамейки на остановке.

– Здесь шумно. Давайте перейдём на другую сторону улицы, там, кажется есть места поудобнее, – предложил я ей, вспомнив, что там есть какие-то кафе. – Вы знаете, я не так часто бываю в Душанбе, и поэтому не могу ничего предложить, поскольку не очень хорошо знаком с городом...

И это было правдой. Более двадцати лет я отсутствовал в Душанбе. Большинство друзей поразъехались...

Она хотела снова спуститься в подземный переход, но я показал ей, что тут есть переход и поверх дороги.

Дождь, вперемешку с пылью, то прекращался, то снова начинал моросить. Перейдя по пешеходной дорожке, которая была проведена через цветочную клумбу, мы зашли в первое же кафе со стороны «Гулистана». Кафе оказалось довольно уютным и опрятным. Небольшие столы были обставлены стульями, обитыми бордовым сукном, напоминающим бархат. На стене висел телевизор с плоским экраном, по которому шёл то ли концерт, то ли рекламный ролик. Посетителей было немного. Мы сели к столику у окна, через которое было хорошо видно и мокрую аллею, и сосновые деревья вдоль дороги со свисающими каплями дождя на кончиках игл, сквозь ветви которых над куполом Цирка виднелась, несмотря на пыльный воздух, надпись «Сирк» (то есть «Цирк»). Я сел спиной к телевизору, предложив ей смотреть концерт.

– Хотите ли выпить что-нибудь?

– От горячего чёрного чая не отказалась бы. Сегодня прохладно, – немного поёживаясь, произнесла она. И тут я заметил, что она говорит по-русски с небольшим акцентом. Да и её поведение говорило, что она не душанбинка.

– А поесть?

– Нет, спасибо, есть не хочется. Уже поужинала дома.

Я заказал две чашки чёрного чая. Нам их принесли довольно быстро. Две чашки с кипятком на маленьких тарелочках с золотистым ободком по краям, на которых лежали пакетики черного чая «Липтон», и отдельно – сахарницу с кубиками сахара.

– Вам, наверное, интересно, почему мне так срочно захотелось увидеться с Вами, да? – глядя мне в глаза, спросила она тихо, беззвучно перемешивая сахар в чашке.

– Ну, скажу так: заинтриговали словами «мне это очень важно», – честно признался я.

Она с нескрываемым интересом смотрела на меня. Затем, сделав глоток чая, сказала:

– Я наизусть знаю Ваш рассказ «Айша»...

– А почему именно «Айша», а не другой рассказ? – улыбаясь, спросил я. – У меня их много.

– Я подумала, что Вы догадаетесь об этом, увидев меня...

Я с удивлением вопросительно взглянул на неё.

– Вы не находите меня похожей на Айшу? Я дочь той самой Айши... – тихо ответила она.

И тут меня осенило! Она явно похожа на героиню моего рассказа, на Айшу. Нет, даже не явно, а очень похожа на Айшу, особенно причёской и цветом волос. Такие же густые, немного волнистые, красивые рыжеватые волосы... Как же я сразу не догадался?..

И я, с неожиданно возникшим волнением, отставив чашку чая в сторону, удивлённо спросил её:

– Вы дочь Айши, моей однокурсницы?!

Я не знал, как реагировать на её слова. Внутри поднялась тёплая волна воспоминаний о тех далёких студенческих годах. О той новогодней ночи на третьем курсе... О нашем последнем студенческом дне в институте...

– Вы, кажется, опубликовали этот рассказ в этом году? Я прочитала его седьмого августа, в Торонто, то есть ещё в Канаде. И сразу же показала его маме...

После нескольких секунд молчания она смущенно произнесла на английском:

– May I switch into English language? My Russian vocabulary is not enough to express some feelings...¹⁸

– Yes, sure, – с улыбкой ответил я. Я с самого начала нашей встречи заметил, с каким трудом она подбирает русские слова.¹⁹

– When I read the story I immediately showed it to my Mom, it was Sunday morning... She became so emotional after that.²⁰

– Так вы живёте в Канаде, что ли?

– Yes, my parents married in 1996 while working together in UN organization in Dushanbe. She was an interpreter of my father.²¹

Затем она снова перешла на русский язык.

И я сразу вспомнил далёкий 1995 год, год нашего выпуска. И вспомнил, что многие наши студенты тогда устроились в различные международные организации переводчиками. И Айша тоже...

– Я родилась в Душанбе 31 декабря 1997 года, прямо перед Новым Годом. Поэтому у меня есть и таджикское, и канадское гражданство...

Мы около часа проговорили, сидя в тёплом кафе. За это время она успела мне рассказать, что изучает лингвистику в Дублине, в Ирландии, на родине отца. Что её отец на двадцать один год старше мамы. И что в Душанбе она прилетела на несколько дней навестить маминых родственников. Что у мамы отношения с папой не сложились. Что её папа, разведясь с мамой, ещё дважды женился... И оба раза на девушках гораздо моложе себя. Таким вот он оказался ловеласом...

Что у неё есть ещё и братик Даниель, школьник. Из-за него мама и живёт в Канаде: она очень хочет дать сыну хорошее образование в этой стране. Несмотря на то, что у мамы всё хорошо, она часто вспоминает Родину.

Что вся комната Айши обвешана фотографиями Душанбе и Памирских гор. И что после прочтения рассказа «Айша» она несколько дней была очень грустна и проклинала ту войну, которая случилась на Родине...

¹⁸ Можно мне перейти на английский язык? Запас слов моего русского языка не достаточен для выражения некоторых чувств... (англ.)

¹⁹ Да, конечно. (англ.)

²⁰ Когда я прочитала этот рассказ я сразу показала его маме, это было в воскресенье утром. Она была очень взволнована после прочтения. (англ.)

²¹ Да, мои родители поженились в 1996 году, когда работали вместе в ооновской организации в Душанбе. Она была переводчицей моего папы. (англ.)

Иногда девушка умолкала на несколько секунд и глядела на меня. Возможно, её немой интерес можно было перевести как: «так вот он какой, однокурсник моей мамы», или «а что бы было, если бы всё сложилось по-другому?». Но, возможно, она думала и о чём-то другом.

– Можете подписать ваш сборник? Для мамы... – с этими словами она достала из сумочки мой сборник в тёмно-синей обложке, изданный именно в Торонто, в Канаде. И ещё два листа формата А4, скреплённые степлером, – отдельную распечатку рассказа «Айша».

– В сборнике не оказалось рассказа «Айша», поэтому я его распечатала отдельно. Хочу сделать подарок маме ко дню рождения, с вашей подписью. Надеюсь, она ещё помнит ваш почерк...

Я взял распечатку в руки, пробежался по строчкам. Когда писал, не ожидал, что этот рассказ будет так интересен моим читателям... Новогодняя ночь... студенческие будни... невинные поцелуи... Хотя у читателей свои предпочтения.

На обороте книги я написал: «Айше. Я помню всё». И подписал. Подписал и отдельный рассказ «Айша».

Расплатившись за чай, мы вышли на улицу. Дождь то моросил, то прекращался. Некоторые редкие прохожие уже были с зонтами.

Я предложил Сураие проехаться в такси до её дома. Она отказалась, предложив, если у меня есть время, пройтись пешком. Я согласился. Теперь она полностью перешла на английский язык.

Рядом со мной шла почти девятнадцатилетняя девушка из совершенно другого поколения, но ей были так же близки и знакомы все те же общечеловеческие чувства и желания: любить, переживать, страдать, мечтать... Ей было интересно всё... Такой уж возраст.

– А у писателей всегда есть готовые ответы на все вопросы? – неожиданно спросила она меня у пешеходного перехода, когда мы дошли до кругового перекрестка и повернули в сторону дороги, ведущей к зданию «Профсоюза». Её лицо осветилось яркими фарами проезжающей мимо нас «Тойоты», и я успел заметить выражение её лица. Оно было по-юношески искреннее.

– Нет, думаю, они просто пытаются более точно выразить то, что называется жизнью... У кого-то это получается, а у кого-то не очень.

– А вы любите осень?

– Для меня все сезоны одинаково интересны. И осень тоже.

Она задавала ещё много вопросов, свойственных юному возрасту. Девушкой она была смыслённой.

Сырой прохладный воздух щекотал ноздри мокрым запахом листьев.

У светофора перед зданием бывшего «Профсоюза» мы попрощались.

– Дальше я пойду одна. Спасибо за встречу и за подписи, то есть автографы. Думаю, мама обрадуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.